

Muo Bure

Жена

БЕЗ ПРАВИЛ

СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Мио Вик

Жена без правил

<https://litres.ru/74020868>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Плачь, не плачь, жёнушка

- Я тебе не жёнушка! срываюсь, но быстро беру себя в руки и пытаюсь донести до него факты. Миран, я подала на развод. Брак был фикцией, нас быстро разведут.

- С чего ты это взяла? Никаких заявлений не было. Ты моя законная жена на данный момент. И вот тебе мой новый оффер, — сверлит взглядом, проникая в самые потаённые уголки моей души, — возвращаешь украденные документы, рожаешь мне сына и свободна. В закат. На все четыре стороны. Как мечтала.

Слова врезались в сознание, не находя понимания.

Во-первых, сына? Какого ещё сына? О чём он?

И во-вторых, куда делось заявление?

То, что у него чердак потёк, я уже давно в курсе. Но не до такой же степени!

Содержание

Пролог	4
Глава 1 «Уборщица».	15
Глава 2 «Облом обломов».	26
Глава 3 «Какая ещё Золушка?»	38
Глава 4 «Гвоздь программы...»	51
Глава 5 «С законным браком».	69
Глава 6 «Total Look».	93
Глава 7 «Смотрины».	104
Глава 8 «Я фиктивная жена врага».	115
Глава 9 «Решение».	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Жена без правил

Пролог

Боженька дал мне сверхспособность, в критические моменты жизни жрать за троих. У всех пропадает аппетит, а у меня появляется. При этом чувство насыщения отсутствует напрочь, ем вёдрами, но не чувствую, что сытая.

И главное, всё сгорает, словно еда проходит просто транзитом. За счёт нервов или гормонов каких-то, уж не знаю.

Марика, моя подруга, ещё со школы меня подкалывает:

— *Виолка, и всё-таки в каком поколении?*

— *Что?*

— *В каком поколении ты ведьма, спрашиваю?*

Благодаря этой сверхспособности физическое тело держится в активности. Иначе в моём случае было бы жуткое истощение.

Я в придорожном кафе. Уютное, светлое заведение, а-ля прованс.

Уголок, где я сижу, был выбран с математической точностью. Маленькая стеклянная пристройка, и всего три столика.

В окно я вижу подъездную дорогу, за спиной стена, и вход в зал прямо перед моими глазами. Так безопаснее.

Ко мне не подкрасться и не застать врасплох.

Вечерние фонари за стеклом уже зажглись. На веранде пусто, да и внутри кафе тоже посетителей мало.

Я делаю тяжёлый глубокий вдох и протяжный беззвучный выдох.

Воздух в зале свеж и слегка пахнет лавандой. Тонкий аромат тянется из глиняного саше на подоконнике. Запах покоя и чужого, красивого мира.

Вилка в моих пальцах задрожала. Я сжимаю её сильнее и мысленно одёргиваю себя: «Виола, соберись. Не время раскисать.»

Отправляю кусочек утиной грудки под соусом из граната в рот и почти не чувствую вкуса.

Боже. Серьёзно? Мои рецепторы онемели, атрофировались? Или это адреналин всё перебивает?

Местный шеф-повар гордится этим блюдом, оно самое дорогое в меню. Я заказала его намеренно. Потому что хотела отметить мой первый ужин на свободе.

Ещё кусочек. Рука плохо слушается.

Надо успокоиться. Я уже далеко. Я уже свободна.

БАБАХ!!!

Дверь в зал с силой распаивается, влетая в стену с таким грохотом, что я подпрыгиваю на стуле. Дверь не открылась — её вырвали.

Вилка со звоном падает на тарелку.

Нет. Не может быть. Это глюк.

Кардиган из мягчайшего кашемира сползает с моего пле-

ча. Я машинально поправляю его.

На пороге стоит Миран Сомов. Живая скала в дверном проёме.

Моё тело превращается в соляной столп.

Дыхание перехватило. Мозг отказывается верить.

Он выследил меня? Как?

Как вошёл сюда?

Вот же окно. Дорога пуста. Ни одна машина не подъезжала к кафе.

Но ОН здесь.

Мятая чёрная рубашка, свежая ссадина на скуле. Раздувает ноздри, как боевой бык на корриде. Широкие плечи натянули ткань до предела, пуговицы держаться на честном слове. Руки сжаты в кулаки.

Но хуже всего его глаза.

Обычно тёмно-синие, сейчас блестят мокрым обсидианом. Настолько дикий взгляд. Миран буквально прищипливает меня к месту, как насекомое булавкой.

Меня сковывает ледяной ужас. Я не могу пошевелиться. Не могу вдохнуть. Просто застываю в нелепой позе с салфеткой на коленях.

Всё.

Всё кончено. Мой побег длился меньше суток. И вот конец.

Сомов делает шаг внутрь. Дверь медленно закрывается за его спиной, отрезая путь к выходу.

Шаг. Ещё шаг.

Чёрные итальянские мультибрендовые туфли глухо стучат по деревянному полу.

Он не спешит. Наслаждается.

Проклятье, Виола, отомри! Хотя бы дыши!

Вот бы мне в небесной канцелярии выдали вместо зверского аппетита другую сверхспособность — лютное хладнокровие. Но нет... мой паралич отступает, сменяясь жалкой дрожью.

Я откидываюсь на спинку стула, пытаюсь слиться с мебелью и увеличить дистанцию, которой становится всё меньше и меньше.

Ведь Сомов надвигается, как хищник, загнавший добычу в угол. Куда ему торопиться?

Мои пальцы судорожно сжимают салфетку на коленях. Как будто она мне чем-то поможет. Была бы волшебной, например, салфетка-невидимка, другое дело, а так...

Миран останавливается в метре от моего стола. Его тягучий взгляд детально скользит сверху-вниз по моему телу. По шее, по плечам, по обтягивающему платью.

Инвентаризация. Проверка сохранности имущества. «Не поцарапали ли мою вещь? Не испачкали?»

Я словно перестаю быть человеком. Вновь становлюсь объектом. Собственностью.

— М-м-м... Какая картинка. Хэштег #бывшая_на_свободе?

Не знаю, за какие такие заслуги Сомов выиграл генетическую лотерею, но его голос невообразимо шикарный.

— Виола... Виола... Когда не берут трубку, хотят видеть лично? Что это у тебя?

— Кхм-кхм... — прокашливаюсь немного. — Утиная грудка.

— Ты её ешь или ритуал проводишь? Чтобы птица, оказавшись в твоём желудке, не мстила за свою смерть?

Ооооо... не знала бы я его лично, то с таким улётным, по-мужски красивым тембром голоса, в его озвучке подкасты я бы слушала бесконечно.

Увы, хозяин низкочвучающего баритона меня пугает до жути.

— Смотри-ка, — его ухмылка скребёт по нервам, — какое платье... какие туфельки... а духи, м-м-м... — качает головой с видом оценивающего ментора. — Малышка приоделась. Не забыла откуда у тебя все эти ништяки? Кто тебя так приодел, а? Кто тебя научил, как вилку держать, как вино выбирать, как с людьми говорить?

Вопросы риторические.

Я знаю. Ты знаешь. Зачем спрашивать?

— Я тебя, по сути, с нуля собрал, — голос опустился до опасного, вязкого шёпота. — Влил в тебя столько бабла и знаний, что ты, наверное, до сих пор не осознала весь объём. И что? Решила, это халява? По-твоему, я благотворительный фонд?

Его презрение физически давит на меня, заставляет съёживаться. Я инстинктивно кутаюсь одной рукой в кардиган, как в броню. Очень тоненькую и бесполезную. Взгляд-рентген Сомова просвечивает ткань насквозь.

— С-с-сам себя не похвалишь... никто не похвалит? — наконец выдавливаю я. — Всё, что на мне... заработано. У нас был договор.

Эх, голос предаёт. Заикаюсь, как испуганный ребёнок. Ненавижу себя за этот писклявый звук.

На его губах растягивается не улыбка, а настоящий волчий оскал.

— Не был, а есть! Договор в силе. Ты читала его через строчку? Или через лист? Наш договор не разрывается в одностороннем порядке. С твоей стороны, тем более. А побег — грубое нарушение. *Finita la commedia*. Игра в куклы закончена. Надо было вести себя адекватно, а теперь... теперь будет по-моему. Ты думала я позволю тебе, вот так легко сбежать? М?

Да уж...

Что я могу на это сказать?

Мне 23, и чего я только не повидала. Порой складывается такое чувство, что у меня по жизни стоит бан на хорошее развитие событий. Но тарашусь я сейчас на Сомова во все глаза не из-за этого.

Как это, чёрт возьми, договор в силе?

— А смеяться когда? — уточняю ошарашенно.

— Когда дойдёт, можешь посмеяться.

— Давно дошло, что дно пробито... И тут скорее плакать хочется...

— Плачь, не плачь, жёнушка...

— Я тебе не жёнушка! — срываюсь, но быстро беру себя в руки и пытаюсь донести до него факты. — Миран, я подала на развод. Брак был фикцией, нас быстро разведут.

— С чего ты это взяла? Никаких заявлений не было. Ты моя законная жена на данный момент. И вот тебе мой новый оффер, — сверлит взглядом, проникая в самые потаённые уголки моей души, — возвращаешь украденные документы, рожаешь мне сына и свободна. В закат. На все четыре стороны. Как мечтала.

Слова врезались в сознание, не находя понимания.

Во-первых, сына? Какого ещё сына? О чём он?

И во-вторых, куда делось заявление?

То, что у него чердак потёк, я уже давно в курсе. Но не до такой же степени!

— Эм... — горло сдавило спазмом. — Ч-ч-что?! Мы так... — не могу даже произнести это вслух, меня всю трясёт на эмоциях. — Мы так не договаривались... Это была сделка! Твоя же формулировка: «никакого интима», «полгода, и прощай».

Сжимает переносицу, склонив голову, с видом человека, который устал повторять очевидное.

— В и о л а, — тянет, смакуя каждую букву. — Так и было.

До твоего финта с побегом. До кражи документов. Пока ты не решила, что правила тебе не писаны. Всё. Точка. Ставки повышены. Родишь мне сына.

— Н-н-не... — мотаю головой. — Простите, Миран Фёдорович, ничем не хочу вам помочь.

Наклоняется и ставит ладони на мой стол. Широкие, со сбитыми костяшками. Стол под ними кажется игрушечным.

В пространство между нами врывается его запах, смешанный с холодным уличным ветром, парфюмом, и густой примесью жжённого металла. Последнее довольно неожиданно.

Чем он занимался? Почему от него пахнет, будто он резал болгаркой металлическую решётку?

— Хватит ёрничать! Теперь всё по-взрослому. Ты, Виола Сомова, моя жена. Фактическая. — отчеканил, не оставляя места сомнениям. — Будем работать над пополнением семьи. Новая реальность, привет.

Шок.

Лёд в животе.

Нет. Нет, он не может меня заставить... Я тяну носом воздух и выдыхаю. Слабо. Беспомощно.

— Это незаконно... э-э-э...

— Что? — он перебивает. — Что это? Произвол?

— Это просто варварство какое-то. Средневековье. Хуже... каменный век.

— Хм. Сто процентов. Ты хотела играть в опасные игры? Вот тебе и новые правила.

Инстинкт дёрнул меня подняться со стула. Я оттолкнулась от стола, и он среагировал мгновенно.

Один шаг, и я в клетке. Зажата между руками Сомова. Вдавлена его каменной грудью в стену.

Бам! Бам! Бам! Тарабанит за рёбрами его мощное сердце.

От него исходит жар. Бешеное дыхание обжигает лоб.

— Не дёргайся, — рычит приглушённо, касаясь губами уха. — Бежать некуда.

Цепенею всем существом. Моё собственное сердце колотится уже где-то в горле.

Я ведь не дура. В кафе посетители, персонал, но вокруг гробовая тишина. Ни единого звука. Всё оцеплено людьми Сомова. Как я побегу? Куда? Прорываться? Ну его на фиг, всё равно поймают.

Он отстраняется на пару сантиметров, чтобы видеть моё лицо. В тёмном взгляде уверенность хищника, который знает, что добыча уже его.

Руки опускаются со стены и ложатся на мои бока, чуть выше талии. Прикосновение сквозь тонкий шёлк платья обжигает. Крепкие пальцы сжимаются не сильно, но двусмысленно. Это не объятие. Захват. Физическое обозначение границ.

Осознание бьёт, как обухом. Какой у меня остаётся выбор?

Эх...

На подобное я не рассчитывала. Должен же быть какой-нибудь выход. Обязательно должен...

Ярость закипает в венах. Во рту привкус горькой желчи.

Выбор у меня был, но... я так наивно им воспользовалась...

Мне тогда казалось, что я такая умная, такая хитрая. Тупанула, со мной такое бывает.

Между самоиронией и самобичеванием тонкая грань. И самое главное не скатиться в жалость.

— Лучше бы я... — поднимаю подбородок повыше, встречаясь с ним взглядами. — Лучше бы я сквозь землю провалилась в тот день, когда ты ко мне обратился за «помощью»...

В глазах Сомова горит мрачная, непоколебимая решимость, выкованная в огне его гнева. Он видит мой страх, моё отчаяние. И это его не останавливает.

Одна его рука скользит мне на спину, прижимая к нему. Движение не грубое, но непреодолимое. В расширенных зрачках читается конец всех дискуссий. Точка невозврата.

— Лучше. Хуже. Поздно спохватилась, — шепчет в мой рот, почти касаясь моих губ своими. — Что могло быть хуже?

— Неудачно выйти замуж?

— Хах, — хрипло усмехается, — интересная постановка вопроса, но мне нравится. Ты сама развязала мне руки, Виола. Ладно. Хорош, трепаться. Поехали домой, дорогая супруга.

Что ж, по всей видимости, война только началась. И пер-

вое сражение я проиграла.

Глава 1 «Уборщица».

Миран Сомов

Пятница. Половина двенадцатого ночи.

Я выхожу из кабинета, и шея гудит. Тупая, въедливая боль всегда остаётся после разговора с Андреем.

Десять лет. Десять лет мы работаем вместе, и десять лет он проверяет, насколько сильно можно прогнуть границы, прежде чем я их стальным прутом обратно выпрямлю.

Сегодня он переплюнул сам себя.

«Таможня задержала». «Японцы подвели». «Рынок упал».

Враньё. Враньё. Враньё.

Смотрит в глаза. Улыбается. Думает, я не вижу, как у него жилка на шее дёргается, когда врёт.

Я вижу. Я всегда всё вижу.

Знаю его, как облупленного. Зачем врёт?

Кофейный автомат в холле гудит, перемалывая зёрна. Звук ровный, механический, успокаивающий.

Я жду, пока чёрная струя наполнит чашку.

В зеркале на стене нахожу своё отражение. Тёмные круги под глазами, волосы торчком, сорочку пора сменить. Устал. Выбился из режима. Давно пора в душ и привести себя в порядок.

Глубокий вдох.

Разминаю шею и проверяю сбитые костяшки на правой руке. Вчерашний спарринг.

Это хорошо, что никто не видит, как я сейчас выгляжу.

В салоне тихо. Стекланные стены выставочного зала подсвечены изнутри мягким светом, машины на подиумах блестят свежей полировкой.

Днём здесь шумно, полно клиентов, менеджеров, консультантов. Ночью только охрана.

Бум.

Звук доносится с первого этажа.

А... да... ещё уборщики. Ночные пчёлы.

Я делаю глоток. Эспрессо горький, обжигает нёбо.

И тут я слышу голоса.

Оттуда же, с первого этажа, где стоит коллекционка.

Я иду на звук. Спускаюсь по лестнице. Не спеша.

Не потому, что мне интересно. Просто ноги сами несут. Хочу сбросить адреналин, который Андрюха накачал в кровь своими идиотскими предложениями.

Хочу отвлечься и не думать об нём, о таможене. О том, что мог купить его долю пять лет назад, но пожалел его. У Андрея жена, «семеро по лавкам», дом в ипотеке, школы, садики, за всё надо платить.

Заворачиваю за угол.

Три фигуры в спецодежде. Вёдра. Мопы. Возятся. Громко языками молотят и перетирают что-то.

Я стою в полумраке коридора, и меня им не видно.

Чёрт его знает, почему я завис.

Пью кофе. Смотрю и слушаю местный «сериал»:

— Ваууу, гляньте, шок контент!

Троица собирается вокруг одного телефона.

Пялятся в экран.

— Ну что там опять? В чём шок контент?

— Да уж, вот это шок... Хорошей бы работы нам без шок-ков.

— Ясненько. Шок в том, что люди так засрались.

— Это съёмщики?

— Неее. Съёмщики нас не заказывают. В большинстве своём они не особо заботятся о чужом имуществе.

— Плита ещё со времён СССР?

— Что это на ней? Нефть?

— Легче купить новую.

— Плита такая: «Я прошла афганскую войну».

— А это что? Растяни фотку, приблизь. Там, чё, мышь в раковине!?

— По-моему, это человеческая ступня.

— Там убили кто-то, что ли?

— Цена вопроса?

— Пока неизвестно. Не отправили ещё.

— Блин, нет, конечно, тут и денег никаких не надо!

— Это звездац, чтоб отмыть там всё, надо иметь кучу сил и терпения.

— Я тоже. За семь лет всякое видала, но с таким работать

не буду ни за какие деньги.

— Да, да! Это точно, я даже не представляю, сколько мне надо заплатить, что бы я такое мыла.

— Я свой труд уважаю. А этой работой специальные бригады должны заниматься. Тут в первую очередь озонирование делать надо.

— Согласна на все 100%. Непонятно сколько заразы подцепить можно.

— И неизвестно, что там ползало. Нужно весь инвентарь после этого выкидывать, включая пылесос.

— Тут даже думать нечего. И никто меня не принудит. Клининг — это свободные люди. Пришли и ушли. Не нравится объект или оплата, уходит вся бригада. Вот!

— Смотрите-смотрите, главное, лоточек для котейки чистый.

— ХАХАХА!!!

— Интересно, зачем у них наполнитель кошачий стоит? По-моему, там в любое место можно ходить...

— Кот и вызвал клининг.

— ХАХАХА!!!

Да уж...

«Бедные клинеры!» — это я мысленно стебусь.

Кругом одно нытьё. Клининг на то и клининг. Если люди не могут своими силами прибраться, вызывают их.

Глаза боятся, руки делают. Чем грязнее, тем за уборку дороже заплатят. Разве это не так работает?

Клининг неплохой бизнес, кстати. Придумал же кто-то.

Это я про навязывание боли и потребности. Создай потребность у людей и продавай услуги...

Стоп! А это ещё кто? Четвёртая?

Мелочь какая-то в сером комбинезоне трётся у моей любимой «ласточки». Такая теперь только у меня и вторая в кино снимается.

Что малявка около неё делает?

Пока шёл, понял, что голоса стихли вдалеке. Коллеги ушли работать, а эта...

Сидит на корточках. Спиной к тележке с химией. Флаконы расставила.

Ватной палочкой вылизывает решётку радиатора. Ячейка за ячейкой.

Подхожу сзади.

— Ты кто?

Вздрагивает. Роняет что-то металлическое на пол. Оборачивается.

Глаза на пол-лица, круглые, дикие.

Один в один зверёк в фарах. Енот-полоскун на ночной дороге.

Медленно поднимается. Вытирает руки о тряпку.

Вижу ладони. Красные. Воспалённые. Тыльная сторона с сухой и стянутой кожей.

Действие агрессивной химии?

Неухоженные пальцы, без маникюра. Рабочие руки. Не

холёные. Руки человека, который привык чистить и драить.

— Я? Э-э... уборщица, — зажимает край тряпки в кулак.

— «Чистый дом». Ну, типа, по пятницам.

— Тебе за неё заплатили? — киваю на машину.

— А?.. — моргает. — Н-н-ну... нет. Красивая же... Стоит пыльная, никто не замечает... А она... ну вы поняли, форма — богиня, и капот крепкий, его фиг побьёшь. Вот только крыло левое... не знаю, знаете ли вы. Перекрас, судя по всему, был на старый грунт. Короче, надо бы реставрировать, и лучше снимать до металла. Иначе не вылечить...

Голос тихий, без заискивания и без сюсюканья.

Она не говорит «милая машинка». Она говорит «форма — богиня».

Пока девчонка трещала, её лицо менялось. Мимика, как у Николаича, нашего мастера, когда он смотрел на результат своей двухлетней работы.

Нежность. Чёрт возьми. К куску металла.

Это не уборщица.

— Слушай, как тебя?

— Виола.

— Миран.

— Я знаю... ой, простите. Мне девочки говорили. О вас.

Пауза.

— Слушай, Виола, тебе не говорили, что на руки надо перчатки надевать? Или тебя учили только моторы нюхать?

Молчит. Несколько секунд.

— Нет, не только, — теребит ватную палочку. — Реставрация автотехники. Диплом с отличием.

Ни грамма гордости в голосе. Просто сухие факты.

Во взгляде осторожность. Оценка. Она смотрит на меня так, будто решает, можно ли мне доверять.

Смешно. Я здесь хозяин. Это она должна доказывать, что ей можно доверять.

— Что ты здесь делаешь?

— Амм... почему уборщицей работаю? У меня мама заболела. Деньги нужны. А на реставрацию без опыта не берут, потому что все хотят «с опытом», а где его взять, если не берут? Никто не хочет быть первым... работодателем. — смущается. — Особенно богатые сервисы. Боятся, что я им какой-нибудь люкс испорчу. Ну, и по половому признаку отсеивают. В нашей профессии предпочтение, естественно, отдаётся парням. Со мной всегда так. Всё время не то выбираю. Надо было на айтишника учиться. Хотяяя... там тоже, говорят, девушкам трудно пробиться. В общем. Замкнутый круг, получается. Пока вот... пылесосу. Временно. Ой, заговорила вас.

Неловко усмехается.

Молчу.

Смотрю на неё.

Худая. Усталая, однако спина прямая. Волосы убраны в тугую пучок, но пара прядей выбилась, висит вдоль щеки. Губы пухлые, но потрескавшиеся.

Комбинезон сидит на ней мешком. Скрывает всё, что можно скрыть. Талию, бёдра, грудь. Никаких намёков на женственность.

— Гм... — поднимаю бровь. — Значит, богатые дяди не оценили тебя, как реставратора. А теперь ты моешь полы у богатых дядь. Красивая история. Особенно для собеседования.

Она не вспыхивает. Не оправдывается. Смотрит прямо. Какая находчивая шелупонь.

— Ага... — пожимает одним плечом. — Было бы глупо, если б я ради тряпок и ведра пять лет училась...

— Ладно. — ухмыляюсь, глядя сверху-вниз. — Завтра. В десять. Мастерская за салоном. Покажешь, что умеешь.

Нахалка не благодарит. Не улыбается. Кивает один раз.

— Хорошо.

Ну-ка... Проверим, ты вообще умеешь просить? Или только брать то, что само идёт в руки?

Все просят. Клиенты просят скидку. Дилеры просят отсрочку.

— Не понравилась, вернёшься к вёдрам. Будешь дальше оттачивать навыки в карьере «японской макаки».

Поворачивается. Берётся за ручку тележки.

— Вы всех клинеров макаками называете?

— Вижу, ты не в курсе, Виола. Погугли на досуге. Японские макаки, по утверждению зоологов, считаются одними из самых чистоплотных представителей фауны.

Тишина.

Она медленно поворачивает голову. В профиль. На меня смотрит только один глаз, настоженный, как у той самой макаки.

— Как это?

— Они моют батат в океане, — продолжаю я. — Передают навык через поколения. Трут, чистят. У них даже есть культ гигиены.

Тишина.

Она разворачивается полностью. Поднимает голову. Глаза в глаза. Щёки вспыхнули.

— А вы... — голос срывается, — вы, значит, орёл? Смотрите на всех сверху-вниз, да? Орлы ведь батат сами не моют. Им макаки носят... Ой, ладно. Идите к чёрту.

Толкает тележку вперёд и топает. Грудь колесом. Нос задрала.

Смешная козявка. Обиделась? На что? Я ей комплимент сделал, на работу позвал, хотя не собирался, и вакансий у нас нет.

Да у меня весь коллектив вышколен, выдрессирован. По внешке — модели, как на подбор. Передо мной все обычно на цыпочках ходят, либо соблазняют, либо боятся.

Другую соплёй, червяком назови, прыгать от радости будет, лишь бы на неё обратили внимание, а эта...

Не делает ничего. Как-то я не привык к такому вакууму. И самое парадоксальное, этот вакуум начинает меня засасы-

вать.

Как в пробке, ты зацепился с кем-то, и хочется, чтобы последнее слово осталось за тобой.

— Гм...

Смотрю ей вслед.

— Кхм-кхм. Виола.

Она не останавливается.

— Я использовал точную зоологическую метафору. А ты нет. Орлы вымирают. Им нужны заповедники. И ты свою работу не доделала. На столе грязь.

Шорох колёс тележки замолкает. Она подходит к столу и внимательно осматривает.

— Это патина, а не грязь.

Возвращается к тележке и делает голос чуть громче:

— Если вы не отличаете, то...

— То, что?

— Неважно.

— Важно. Там у дверей на полу что? Разводы?

— Нет там ничего.

Вновь бросает тележку и идёт по залу.

— А у меня ощущение, что мой салон не скрипит от чистоты.

— Ваш салон, Миран Фёдорович, не операционная, иммунитет должен взаимодействовать с бактериями для укрепления. Завтра народ набежит, натопчет. По факту помыто? Ну и работайте спокойно. Без загонов и лишних услуг.

Офанарела?

Она обходит помещение по периметру, осматривая каждый угол.

Я, как под гипнозом, за ней на расстоянии.

— А если я захочу тут в белых носках ходить?

— Любите белые носочки — любите и тапочки. Если найдёте где-то пыль, вы её не трогайте, не будите лихо, пока оно тихо. Макаки из клининговой службы придут и уберут.

— Что решила? Придёшь завтра? — само срывается с языка.

— А знаете... да. Я приду завтра. В десять. Покажу вам, что умеют макаки.

Забирает свою тележку. Колёса снова шуршат. Удаляются.

Я остаюсь один.

Эспрессо остыл. Допиваю и морщусь. Не вкусно.

А вот посмотреть завтра на умения «макаки» Виолы будет вкусно. Смешная пигалица.

Взбодрился, и сна ни в одном глазу. Вечер пятницы же... а нет, на часах уже суббота. Работу закончил, пора погулять...

Глава 2 «Облом обломов».

Миран Сомов

Голова раскалывается.

«Где я?» — это первая мысль, которая пробивается сквозь плотную вату беспомощности.

Боль пульсирует в висках, отдаёт в затылок, в глазницы, словно кто-то внутри моего черепа решил поиграть в футбол и пинает мозг, как мяч.

Вторая мысль — во рту будто кошки насрали. Язык присох к нёбу, сушняк жесточайший.

Третья — я не один.

Протираю глаза. Щурюсь от света, который пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы.

О... слава богам, знакомые шторы. Мои. Кстати, итальянский шёлк, стоят как крыло «Боинга». Я хотя бы дома. Это плюс.

Поворачиваю голову.

А вот и минус — справа голая женская спина. Длинные светлые волосы разметались по подушке. Постельное бельё пропиталось потом и духами. Приторный, отвратный запах ванили.

Тошнота подкатывает к горлу. Меня мутит.

Стараюсь не делать резких движений, и понимаю остатками мозга, что на меня закинута женская нога.

Простыни сбиты в комок, одеяло наполовину на полу, там же вчерашняя одежда, чей-то бюстгальтер, моя рубашка, трусы.

Чувствую только одно — отвращение.

Оно поднимается изнутри, густое, чёрное и липкое, как нефть. К ней. К себе. Ко всей этой ситуации. Её голое тело не вызывает ничего, кроме безразличности.

Она храпит. С открытым ртом. Слюни пережёвывает, чавкает. Твою ж мать! Не красиво.

Скидываю с себя ногу и осторожно сажусь. Голова взрывается болью, перед глазами плывут круги.

Сил моих нет, как худо...

Время полдень, уже скоро обед, а у меня пережор, перепой, перебор... в общем, утро добрым не бывает.

Осколки памяти режут сознание.

Танцы в гостиной. Блонда тянет меня за ремень. Смеётся, что-то говорит. Потом ощущение чужого рта. Ищем презервативы. Я помню, как открывал ящик в тумбочке, всё оттуда вывалилось. Хотя бы в этом я молодец. Не забыл про защиту. В нынешние времена без этого никак.

Затем резкая боль — это я впечатался головой в полку, когда... когда что? Когда она стаскивала с меня штаны? Или, когда я падал?

Ааа! Даже вспоминать не хочу!

Плавню выхожу в коридор. Спускаюсь на первый этаж. Здесь прохладнее, и воздух чище.

Кухня напоминает поле боя. На столешнице из чёрного мрамора, за которую я отдал состояние, какое-то обгорелое пятно, залитое апельсиновым соком. И в центре лужи женский босоножек.

На столе бардак. Икра, размазанная по тарелке, впиталась в белую скатерть розовыми разводами. Прожжённые дырки в ткани.

Надкусанные бутерброды с сёмгой. Кругом раскиданы оливки, как будто кто-то ловил их в полёте. Интересно, кто?

Остатки ещё какой-то еды на полу, на барных стульях, на шторах! Опрокинутые пустые коробки, банки. Разбитый фужер, осколки.

Короче, полное СВИНСТВО!

Нас точно было двое? Другая женская туфля валяется в углу. У той, что спит в моей кровати ноги две, а не три...

Это я ещё своим мутным взглядом бегло пробежался.

Всплывает фраза в памяти из вчерашнего разговора клинеров:

«Это звездац, чтоб отмывать там всё, надо иметь кучу сил и терпения.»

Полный звездац, точнее не скажешь.

Докатился.

Мысль о дяде Мише приходит внезапно, как удар под дых. Умер в сорокет от цирроза. Крепкий мужик был, ни разу в жизни не болел и в больнице не лежал. А потом раз — и баста.

Провожу ладонью по лицу, стряхиваю мысль. Игнорирую бардак. Иду к холодильнику.

Открываю дверцу, жмурюсь от яркого света. Хватаю минералку и припадаю к горлышку. Пью жадно, большими глотками.

В голове немного проясняется. Ставлю пустую бутылку на столешницу, прямо в размазанную засохшую икру.

Накидываю халат и выхожу на террасу через стеклянную раздвижную стену.

Солнце бьёт по глазам. Жмурюсь, прикрываю лицо ладонью.

Дядя Миша умер, можно сказать, в самом расцвете. Мог бы ещё столько же прожить. Легко. До восьмидесяти с копейками. Царствие небесное хорошему человеку. Жаль не дожил, когда я вырос и на ноги встал.

Надо бросать.

Когда не пьёшь, чувствуешь себя человеком. А не как сегодня — куском дерьма!

Оглядываю участок. Крытый бассейн. Когда-то я им гордился — пять метров, подогрев, подсветка, система очистки. Сейчас болото, на поверхности плавают листья и какой-то мусор. Возможно, там даже завелась жизнь. Как-то промелькнуло что-то тёмное и быстрое, в последний раз, когда я смотрел.

Назойливо лезут из памяти высказывания клинеров: «я даже не представляю, сколько мне надо заплатить, что бы

я такое мыла», «шок в том, что люди так засрались».

Опять они вспоминаются. Что за беспредел?

Трясу головой, избавляясь от морока.

Но, что есть, то есть. Запущенный бассейн, как вся моя жизнь. Разгрести надо вовремя.

Тащусь обратно в дом, поднимаюсь наверх, искать телефон, чтобы забить задачу в календарь: вызвать чистильщиков. Прямо сегодня.

По пути передумываю и решаю, что сначала надо привести себя в порядок. Душ и нормальная еда — база. Без базы никуда.

Прохожу мимо спальни. Дверь приоткрыта, видно кровать и девицу, пускающую слюни на подушку. Чёрт, сюда надо бы тоже «чистильщика», чтобы один раз моргнул, а девку уже увезли, и в доме никого постороннего.

Как раз вовремя с первого этажа поднимается Серёга, мой водитель. Загорелый, лысый, в костюме, как на свадьбу собрался.

— Миран Фёдорович, гостью уже увозить? — останавливается ещё на нижней ступеньке лестницы.

— Да, — киваю.

Увидел меня на террасе и знает мои привычки, лучше меня самого.

Знаю, что после моего возвращения в мир живых, в доме невидимо глазу закипит жизнь. Лариса уже наверняка оценила масштаб работы. Знаю, что она всё решит, и скоро бу-

дет полный порядок. Профессионал. Идеальная осанка, полное отсутствие эмоций на лице при виде любого бардака. Я плачу ей как топ-менеджеру небольшой фирмы, и она стоит этих денег. Живёт в городе, приезжает по утрам три раза в неделю проверить счета, заказать продукты, скоординировать клининг.

Постойте-ка... а может, расширить её зону ответственности и включить туда кроме дома, ещё и бассейн? Действительно. Почему я сразу этого не сделал? Теперь доплачивать придётся. Плевать. Пусть стоит чистый, хоть я им и не пользуюсь. А то, как бельмо на глазу, это заросшее болото.

В ванной встаю перед зеркалом и смотрю на себя.

— Ё!..

Опухшая рожа. Глаза красные, с лопнувшими капиллярами. Под глазами синяки, щетина, кожа серая, землистая. Когда я успел так обрасти? Вроде брился недавно. Время летит, замечать не успеваю.

— Красавчик, — хриплю своему отражению.

Отражение молчит. Оно вообще неразговорчивое.

Мысль приходит чёткая и ясная: пора с пьянками завязывать. Не на время, а вообще. Насовсем. Этот образ жизни меня добьёт. Медленно, но верно. Ещё пара таких лет, и можно заказывать место на кладбище рядом с дядей Мишей.

Думаю о рехабе. О спа-отеле где-нибудь в горах, где тихо, спокойно, нет ни баб, ни бухла. Только горный воздух, минеральная вода и вегетарианская еда.

Встаю под душ. Вода горячая, обжигает кожу, смывает слой пота и перегара. Стою долго, пока вода не начинает остывать. Потом переключаю на холодную — матерюсь, но стою. Это приводит в чувство лучше любого кофе.

Выхожу из душа, заворачиваюсь в полотенце. Смотрю в зеркало ещё раз. Всё ещё пугало, но уже чуть больше похож на человека. Красные глаза стали ещё краснее. Но голова болит меньше.

В этот момент вселенная будто решила, что мне слишком хорошо, и тотчас завибрировал телефон.

Смотрю на экран. Тоха.

— Ты где? Я тебе с утра названиваю, трубку не берёшь.

— Спал. Что с «ТокМот»? — рабочий режим включается автоматически, как тумблер.

— Оборудование пришло, но там комплектация не полная. Не хватает пресс-форм для штамповки. Гарик разводит руками, говорит, что отправил всё, а накладные... — Тоха мнётся. — В общем, надо ехать на склад, пересчитывать.

— Нам вставать сейчас нельзя! Ни на неделю, ни на день! Какого х...

— Знаю, уже решаю, — перебивает меня и не ведётся на мой крик Тоха.

Потому — до сих мой зам и единственный друг.

— Где Гарик? Пришли его номер, я сам с этим чертом поговорю.

— Сказал, что в офисе будет после двух. Да он там в мыле,

судя по голосу. Давай, я сначала на склад съезжу, всё проверю на месте...

— В мыле он! Гарик постоянно ноет, а по факту одна видимость бурной деятельности. Урод!

— Ну, тут пара часов погоды не сделают. Решим. Есть другая проблема. Ты как себя чувствуешь?

Задымился, пока ходил туда-сюда с телефоном. Голова отваливается. Но от интонаций Тохи боль уходит на второй план.

— Нормально. Что там?

— Если стоишь, лучше сядь. Пришло-таки письмо по лицензиям.

Чёрт бы побрал зажавшихся япошек!

— Хрр!!!

— Не рычи. Ратмир уже посмотрел, там, конечно, по-хорошему вчитываться надо, но на первый взгляд оно больше предупредительное.

— Пугалка?

— Не совсем...

Раздражение накатывает волной.

— Ну, не тяни, блин, ты резину!

— В двух словах, надо поработать над имиджем. Лоск, железобетонная репутация, довольные сотрудники и прочее. С нюансами по условиям Ратмир сейчас разбирается. Первое, что предложили пиарщики, это устроить корпоратив. Ближайший праздник «День влюблённых». Подумай: да, нет. Во

сколько будешь в офисе?

— Через час постараюсь. Или лучше после двух, чтобы Гарика прижучить.

— А... подожди, сможешь пораньше? — в его голосе неожиданно проскальзывает насмешка.

— Зачем?

— Тут такое дело. — хмыкает с иронией. — В мастерскую заявила какая-то ненормальная.

Я тру переносицу. Боль пульсирует в висках, каждое слово Тохи отдаётся эхом в черепной коробке.

Господи, только не бабы. Только не разборки.

— И?

— Говорит, что договаривалась с тобой о собеседовании. Лично. Представляешь? — Тоха откровенно ржёт. — Я сначала не врубился, когда мне Николаич позвонил. Спускаюсь в мастерскую, думаю он там растворителя нанюхался и глюки ловит? Нет. И правда там девушка. С резюме. Все дела. Аха-хах!

Еле заканчивает сквозь смех. Никак не успокоится.

Чего?

Я моргаю. Какая-то мысль ворочается там, в глубине сознания, но никак не всплывёт. Что-то про... машину? Про ночь? Про...

Да нет, бред. Я ни с кем не договаривался. Я вообще вчера пил. Много. С девочками. Какие, нафиг, собеседования?

— Слушай, Тоха, — хриплю зло. — У меня башка тре-

щит. Мне вообще плевать, кто там пришёл. У нас пресс-формы пропали, ты понимаешь? Пресс-формы! А ты мне про каких-то ненормальных втираешь. Серьёзно? Тебе заняться больше нечем?

— Так я и говорю, ненормальная, — Тоха не понимает. — Ты бы её видел. Пальто из секунда из 90-х. Волосы стянуты в дулю так, что лицо перекошено. Я ей говорю: «Вы ошиблись, мадмуазель, здесь мастерская, а не биржа труда». А она стоит, смотрит на меня глазами и руками своими красными, страшными, протягивает резюме.

В голове болезненная вспышка. Ночной автосалон. Ватная палочка. Тонкие красные руки.

— Виола, — выдыхаю я, сам не замечая, как имя срывается с губ.

— Чего? — Тоха не догоняет. — Ты чё, реально её знаешь?

— Ну?

Тоха ржёт. Громко, заливисто, как умеет только он. У меня от этого смеха череп грозит расколоться на две половинки.

— Она ушла? — спрашиваю на автомате.

— Не-а, — Тоха всё ещё веселится. — Ждёт. Уже второй час. С десяти сидит на скамейке у входа, как привязанная. Мы ей и так и сяк, уходите, мол, никто вас не ждёт, никто вам не назначал. А она молчит и сидит. Я уже охране хотел звонить, но подумал, вдруг и правда твоя знакомая? У тебя

же эти... как их... ну, странные иногда бывают. А эта точно ждать будет до вечера. Потом ночевать тут останется. Сам знаешь таких, которые верят в справедливость. Они упёртые.

Я тру лицо ладонью. Ещё не умывался. Кожа сальная, щетина колючая. Голова гудит. И тут ещё эта...

— Слушай, — мой голос по привычке сам выравнивается, становится жёстче, деловитее. Головная боль никуда не делась, но теперь есть фокус. — Скажи Николаичу, пусть даст ей какую-нибудь ерунду. Погрунтовать. Пошпаклевать. Крыло какое-нибудь убитое, которое всё равно в утиль.

— Опа... Ты с ней правда договаривался?

Я что, реально сказал ей прийти?

Ночью набухался в хлам, так что всё «до» я помню смутно и отрывками.

Господи, за что мне это утро?

— Да чушь какая-то, — бормочу я, скорее себе, чем Тохе. — Я вчера угашенный был. Мало ли что нёс. Короче. Пусть попробует. Потом вы её пошлёте, и вопрос закроется.

— Хм. Вот ты облом обломов.

Раздражение свербит где-то внутри, как заноза.

— Это же социальный лифт, Тоха. Понимаешь? Она хочет прыгнуть выше головы. А так не бывает. Дворник не становится бизнесменом. Золушка — это сказка для дебилов. В реальности Золушка так и горбатится с тряпкой в руках до пенсии. Всё.

— Жёстко ты, — Тоха вздыхает. — Но, наверное, прав. Ладно, сделаю.

Сбрасываю звонок.

— Дура, — говорю вслух. — Да пошло всё.

Завтракаю. Жизнь налаживается.

Иду в гардеробную одеваться. Ряды костюмов, рубашек, обуви. Галстуки, часы. Всё аккуратно разложено, развешано, рассортировано. Хоть что-то в этом доме имеет порядок.

Надеваю свежую рубашку, брюки, ботинки. Смотрю на настенные часы. Полвторого.

Накидываю пальто и быстрым шагом выхожу на парковку, где меня уже ждёт Серёга. Надеюсь, он успел проветрить машину, ненавижу, когда в салоне пахнет пьяными бабами.

Глава 3 «Какая ещё Золушка?»

Миран Сомов

Переговорная комната встречает меня стерильной тишиной. Напротив сидят юрист и финдиректор, справа Тоха. Узкий круг.

Лица у всех постные. Глаза в бумаги.

— Миран, — юрист (и мой двоюродный брат по совместительству) Ратмир поправляет очки, хотя они сидят идеально. У него такой нервный тик, дёргать их, когда он сообщает какую-нибудь дрянь. — Нам нужно обсудить письмо.

Я откидываюсь на спинку кресла.

Утро начиналось неплохо: закрыли сделку по продаже трёх Х5-ых в рестайлинге корпоративному клиенту, сегодня должны пригнать редкий экземпляр «немца» в мастерскую на реставрацию. Салон, как конвейер, продаёт электрических «китайцев». Склады отгружают запчасти пачками. Всё работает. Деньги идут.

— Лицензию продлевают? — перехожу к главному.

Официальный дилерский холдинг, который имеет право выдавать франшизы на продажу новых автомобилей премиум-брендов. Без их договора мой салон просто площадка по продаже машин с пробегом.

Кто я буду? Перекуп, а не официальный дилер с гарантией и сервисом.

Куда покачусь дальше? Какое дно пробивать? Начну машины раздевать перед продажей? Начну запаски продавать отдельно?

Финдиректор Семён Ефимович молча пододвигает ко мне лист.

Я читаю. Первый абзац стандартные реверансы. Второй — условия. Третий...

— Комплексный аудит? — я поднимаю глаза на Ратмира. — Они два года назад уже проводили аудит.

— Это другое, — он перекладывает бумаги. — Им нужна проверка деловой репутации владельца.

— У меня нет судимостей. Я плачу налоги. Что ещё?

Ратмир мнётся. Семён Ефимович смотрит в окно на заснеженную парковку, делая вид, что его интересуют сугробы.

Что происходит?

Сейчас скажут какую-то погань, от которой у меня глаз дёргаться начнёт.

— Им нужна идеальная характеристика. Семейное положение, круг общения, репутация в профессиональном сообществе.

Я чувствую, как желваки начинают играть на скулах.

Это не просто аудит. Это вторжение в мою жизнь.

— Конкретнее. Кто-то там, наверху, решил, что может залезть мне в трусы и проверить, что там?

— Нет... Миран, просто у них сменился собственник. Но-

вый владелец человек консервативных взглядов. Семейный. Ходит в церковь, восстанавливает храмы. Он считает, что бизнес должны вести люди с... — мой юрист запнулся, — с устойчивыми семейными ценностями.

— Я холостяк. Это теперь уголовное преступление?

— Это теперь репутационный риск, — вступает Семён Ефимович, наконец отворачиваясь от окна. — Я разговаривал с их финдиром неофициально. Теперь они проверяют не только финансовую отчетность, но и личную историю владельца. Дважды подумают, прежде чем давать дилерство холостяку, во-первых, с репутацией жёсткого переговорщика...

— Жёсткого переговорщика? — перебиваю его и почти смеюсь. — Я просто не позволяю себя разводить. Это теперь плохо?

— Для них это одно и то же, — Семён Ефимович вздыхает.

— А во-вторых?

Терпеть не могу, когда ходят вокруг да около.

— Во-вторых, с такой личной репутацией, как у тебя! — рубит Ратмир. — Им нужен предсказуемый партнёр. Семейный. Оседлый. Который не будет бухать с клиентами и пёхать их секретарш.

Я смотрю на него. Семён Ефимович краснеет. Ратмир отводит глаза.

— Я не пёхаю секретарш.

— Я образно. Понимаешь?

— Понимаю. Как это обойти?

— Никак. Юридически они не могут отказать на основании семейного положения. Но могут найти тысячу других причин. Затянуть процесс, запросить дополнительные документы, усомниться в финансовой прозрачности. Через полгода мы останемся без дилерского договора, а формально — сами виноваты. Сами виноваты, что жениться вовремя не соизволили.

Я встаю и подхожу к окну.

Комплекс зданий напротив — мой. Шоурум с сияющими витринами, сервисный центр с въездными воротами, реставрационная мастерская, склады запчастей. Огромная территория.

Всё работает. Всё живет. И всё может рухнуть за полгода. Из-за того, что у меня нет кольца на пальце и бабы в постели на постоянной основе.

Идиотизм.

— Есть один вариант, — осторожно начинает Ратмир.

Я не оборачиваюсь.

— Какой?

— Предоставить им историю. Красивую историю о любви. О том, что владелец — серьёзный человек с серьёзными намерениями.

Я поворачиваюсь.

Ратмир смотрит на меня как на подопытного кролика. С

искренним любопытством.

— Смеёшься? Предлагаешь найти жену?

— Почему смеюсь? Как будто это нереально? Я предлагаю рассмотреть вариант демонстрации серьёзных отношений, — мой юрист поправляет очки. — Пусть пока будет не жена. Достаточно невесты. Девушки, с которой ты планируешь создать семью. Посмотрим, какой это возымеет эффект на процесс пролонгации лицензий... а дальше... дальше видно будет.

— Дальше видно будет? — язвлю с насмешкой. — Хороший у меня юрист, и советы раздаёт интересные.

— Мы можем нанять актрису, — предлагает несмело Семён Ефимович, и я вижу, что они уже обсуждали это без меня. — Провести фотосессию, создать иллюзию отношений. Но только у нас бюджет не резиновый.

Я смотрю на них и чувствую, как внутри поднимается разрывная вулканическая ярость. Эти двое сидят и обсуждают мою личную жизнь как статью расходов. А я стою и слушаю, потому что выхода нет.

— Свободны, — высекаю ровно.

Юрист и финдир переглядываются, но уходят без вопросов. Тоха остаётся, сидит, как сидел.

— Ну? Чего молчишь? Сказать нечего?

— Что тут скажешь? — пожимает плечами. Его телефон вибрирует. — О! Человек Лесника мерс пригнал. Лесник купил машину и нашёл недочёт. Проблема с покраской. И...

Николаича, как назло, сегодня нет. В больнице. Глаза б мои не видели Илюху рукожопа. Пойдёшь в мастерскую?

— Пошли. Что уж? Если швах, то полный?

Проходим через боксы, механики кивают, но не отвлекаются. Знают, что я не люблю пустых разговоров в рабочее время.

Машина редкая, ценник в семь нулей, стоит в дальнем углу, под софитами.

Вокруг суетятся старший маляр и менеджер по работе с клиентами.

— Ну? — подхожу ближе.

— Предыдущий «мастер», кретин, решил сэкономить. Видите? — маляр включает дополнительный свет и направляет на переднее крыло. — Под определённым углом панель проваливается в синеву. Цвет вроде тот же, но нет глубины.

— Ё-оууу, — шепчет удивлённо менеджер. — Разве на «таких» машинах такое бывает?

— Поживёшь с моё, и на «таких» машинах ещё не такое дерьмо увидишь! — отвечает ему Тоха.

— Перекрашивать? — спрашивает Илья рукожоп.

— Клиент не даст, — менеджер заламывает руки. — По моему, если мы скажем, что нужно подбирать цвет по всему кузову, он уйдёт. Он какой-то нервный.

Лесника я давно знаю. Ещё с эпохи «работы на дядю». Крайне сложный тип. Но друг с другом мы всегда находим общий язык.

— Хр-ррр, — рычит Тоха. — Заткнитесь оба.

В этот момент подходит представитель владельца.

— Что предлагаете?

Я подхожу ближе, провожу пальцем по стыку. На ощупь разницы нет. Только свет выдаёт.

— Специалисты только приступили к осмотру. Они посоветуются и предложат варианты, а пока пройдёмте в лаунж, у нас есть великолепный марокканский кофе. Не пробовали? — менеджер вспоминает свои профессиональные обязанности, забалтывает и уводит представителя в соседнее помещение.

Уютная зона. Там барная стойка, комфортные кресла для отдыха, Wi-Fi. И вместо роботизированных кофе-точек — живой бариста. Смужи, фреши, пирожные, шоколад, мармелад, бриоши с начинками, фокаччу. А главное — плазма во всю стену с трансляциями спортивных матчей. Некоторых оттуда не выгонишь: уже документы давно готовы, машинка ждёт на старте, а они всё сидят и сидят.

Маляр смотрит в пол. Рукожоп шарится в телефоне. Гуглит, что ли?

Тоха чешет затылок и пыхтит:

— Николаича с капельницей сюда привезти не получится, да?

— Кхм-кхм... Можно попробовать точечную полировку с микропигментацией. — тихий женский голосок.

Я оборачиваюсь.

Она стоит в двух шагах. Смешная козьявка.

Виола...

— Думай, что говоришь, элемент интерьера. — рывкает на неё Илья.

— Пробовать она собралась, — огрызается на неё маляр.
— Это тебе не полы мыть. Знаешь, сколько тачка стоит? Тебя на органы разобрать, и то не хватит, если что-то испортишь.

— Знаю, — не тушуетя она.

— Кто тебя сюда пустил?

— Чеши отсюда...

Её гонят, но она и глазом не моргнула. Ни одна жилка на лице не дрогнула.

— Здравствуйте, Миран Фёдорович, — быстро шагает ко мне и протягивает руку.

— Здравствуй, В и о л а, — на автомате отвечаю рукопожатием, трудно объяснить почему.

Пока она трясёт мою руку, вопросительно стреляю взглядом в Тоху.

Тот поднимает брови домиком и еле-еле сдерживает свою дебильную улыбку.

Я даже не в курсе, что её взяли на работу. Кто?

— Николаич, — одними губами отвечает на мой немой вопрос Тоха.

Мой главный мастер оценил-таки, что умеют «макаки»?

Мельком успеваю выхватить взглядом, что Виола в рабочем комбинезоне. Опять в мешковатом. Но на этот раз ком-

бинезон сидит иначе.

Не думаю, что она специально его подогнала. Однако под тканью угадываются и талия, и грудь, и ноги. Детали мозг дорисовывает сам.

Коса спрятана под косынку, но одна прядь выбилась и касается щеки. Ей идёт.

А губы без помады и блеска, всё такие же потрескавшиеся.

Я ловлю себя на том, что рассматриваю её дольше, чем нужно. Всего на доли секунды. И руку её отпускаю позже, чем следовало бы.

Тоха, гад, замечает и косится с лёгким удивлением.

— Эм-м... Надо поднять цвет с нижних слоёв, — продолжает Виола, глядя не на меня, а на крыло, — смешать границы микропигментами до полной невидимости. Заводской слой сохранится на девяносто пять процентов. Клиент получит аутентичную машину без следов вмешательства. Вот.

Маляр хмыкает:

— Теоретически можно. Но пальцем в небо. Никто не даст гарантии.

— Я даю, — она поднимает глаза. Смотрит прямо на меня.

— Я это делала.

— На ведре? — скалится он.

— На Maserati 3500GT 1961 года выпуска. Та же проблема, предыдущий реставратор положил не тот тип краски.

— ПФФФ! АХАХХПХ! — взрываются гоготом два придурка.

— Я потом объясню, — без каких-либо эмоций кивает мне.

— Ушли отсюда, — рявкаю на дебилов.

— Виола, — Тоха прожигает её агрессивным взглядом, — я пошёл на поводу у Николаича, разрешил ему тебя оформить. Якобы ты ему как внучка. Прямо Дед Мороз и Снегурочка. Но машину эту портить никак нельзя, усекла?

— Антон Платонович, не переживайте, у меня IQ выше среднего. — без нервов шепчет ему Виола, а потом будто разжёвывает ему: — Я. Хорошо. Понимаю Русскую речь. — ждёт реакции Тохи, но не дожидается. — Ой ладно. Точно! Я же могу показать. Сейчас-сейчас... Смотрите.

Достаёт свой допотопный пошарпанный телефон и открывает видео, на котором снят процесс полировки. Быстро перематывает от «до» на «после».

И тут мой телефон начинает вибрировать. На экране: «Лесник».

— Если Николаич ей давал какую-то работу, проверь качество, — принимаю звонок и отхожу в сторону.

На рефлексках разговариваю по телефону. Лесник, как всегда важный, балякает надменно, у него же денег больше, чем времени на разговоры.

А глаза мои сами провожают две спины: Тохи и Виолы.

Она ему показывает другую машину, они наклоняются, она объясняет. Затем идёт к стеллажу с инструментами, даже не взглянув на ошалелую мину Тохи.

Походка у неё лёгкая, но без виляния бёдрами. Что странно. Обычно бабы, даже когда не пытаются, всё равно как-то... виляют. Эта — нет.

— Не скажу, что не сомневался, ехать к вам или нет. Из-за слухов этих. Ради дружбы рискнул. Рассчитываю, не подведёте. — слова Лесника вынуждают меня напрячься.

— Каких слухов?

— Слышал, у вас там проблемы. Что бизнес трещит по швам, дилерство могут отозвать. Знаешь, я, к сожалению, не видел спасённых титаников. Коли корабль уж накренился, крысы первые бегут... Предпочитаю верить капитану.

Благодарю ровно, хотя желваки сводит, и прощаюсь, завершая звонок.

Махнув рукой, подзываю зама. Тоха подходит и смотрит вопросительно.

— Что за слухи?

Вздыхает и отводит глаза. Плохой знак.

— Артур язык распустил. Что у нас проблемы с дилерством, что мы тонем, что скоро закроемся. Клиенты начинают нервничать. Особенно новые.

Артур. Бывший партнёр моего отца, который хотел отжать бизнес после его смерти, но пролетел. Теперь мстит по-мелкому. Я считал это комариными укусами. Похоже, ошибался.

Обычно Тоха, как громоотвод, разряжает обстановку. Если даже он сейчас мрачнее тучи, значит, реально всё паршиво.

— А старые?

— Парочка из старичков зашевелились. Пока только вопросы задают. — Тоха мнёт в руках зажигалку. — Оба в прошлом общались с Артуром. Совпадение?

— Внутри что? В коллективе паника?

— Перешёптываются. Парни слышат разговоры. Некоторые уже спрашивают, не пора ли обновлять резюме. Мелочь, но осадочек остаётся.

Артур бьёт не в лоб, а исподтишка. Слухи — это оружие, которое разъедает бизнес изнутри.

Клиенты уходят не тогда, когда становится плохо, а когда начинают бояться, что станет плохо. Паника заразна.

— Нужно что-то, что перекроет негатив. — говорю вслух.
— Ты поэтому говорил, про «поработать над имиджем». Лоск, железобетонная репутация, довольные сотрудники? Из-за слухов?

— Да. В том числе. Пиарщики предложили устроить корпоратив. Ближайший праздник «День влюблённых».

— И?

— Убьём двух зайцев. Соберём всех. Наймём фотографа, наделаем кучу позитивных фото, запустим в соцсети. Пусть Артур со своими слухами удавится. Плюс порадуем холдинг. Им нужна семейная история. А корпоратив лучшее место, чтобы показать, что у босса есть личная жизнь. Если ты придёшь не один, это опровергнет слухи, что ты одинокий волк, которому никто не нужен.

Я смотрю на Тоху и в который раз думаю: недооцениваю я его. За внешностью весёлого придурка скрывается хороший тактик. И друг единственный, кому я доверяю.

Тоха вдруг щёлкает пальцами. Глаза загораются азартом. Он обожает такие моменты, когда можно проявить смекалку.

— Слууушай, Миран друган. А если разыграть карту с Золушкой. Будет эпично.

— Какая ещё Золушка?

Нет. Его совсем нельзя хвалить. Даже мысленно.

Тоху вечно заносит.

— Такая Золушка, которую социальный лифт вне очереди поднимет на нужный этаж. Понимаешь? Ну, ты говорил про Виолу, мол, она хочет прыгнуть выше головы. А так не бывает. Дворники не становятся бизнесменами. И в реальности Золушке суждено горбатиться с тряпкой в руках до пенсии. — Тоха хитро щурится. — А если нет? Если мы подыграем? Вот мы заставим всех впечатлиться!

Гляжу на него, как на умалишённого.

— Тпру, скакун вороной, — пытаюсь притормозить его буйное воображение. — Вопросы будем решать по мере поступления. Итак, первое — это машина Лесника. Второе: корпоратив — да, всё остальное — нет. Никаких Золушек.

— Ааа... с Лесником всё будет нормально, там уже Виола трудится, аки пчёлка. А про Золушку ты передумаешь! На что спорим?

Глава 4 «Гвоздь программы...»

Миран Сомов

Корпоратив.

Ресторан «Шато». Ведущий горланит в микрофон. По залу болтаются аниматоры в костюмах. Шары, букеты. Лепестки роз на столах. Фотозоны. Композиции из шоколадных открыток. Музыка тошнотворно-романтическая.

— Сделай лицо добрее, — советует Тоха.

— Вот так? — отворачиваюсь от обзора зала и растягиваю губы в улыбке идиота.

— Не, лучше верни, как было, — хмыкает мой зам. — Мы же не в Германии.

— А что в Германии?

— День психически-больных сегодня отмечают.

— Чем не тема для корпоратива, а?

— Не бузи, Миран. Классно же. Глянь, как люди радуются халяве. Семейные вспомнят о романтике, одиночки перезнакомятся.

— И через полгода массово побегут в декрет.

— Ну, в нашей ситуации через полгода лучше баб отправить в декрет и новых набрать, чем закрыться и увольнять всех по ликвидации, согласишься?

Не отвечаю. Скриплю зубами.

Триста человек примерно. Пока всех вместе не соберёшь,

визуально не оценишь какое количество народа трудится в твоём предприятии.

Нет, я не жмот. Мы и раньше закатывали грандиозные праздники по разным поводам: день открытия, расширения, Новый год стабильно, поездки на природу на майские, шашлыки, подарки, премии.

Просто сейчас настроение не то. Критическое. Не расслабишься.

Глубокий-глубокий вдох.

В зале душно. Пахнет шампанским, дешёвым мужским и женским парфюмом.

— Пойду проветрюсь, — выхожу на балкон, но и тут толпа, несмотря на мороз.

Прохожу к своему месту. Киваю направо-налево, но не останавливаюсь. Сейчас моя задача — наблюдать.

Даже день влюблённых некоторых не отвлекает от пересудов. Перешёптываются, косятся на меня, быстро отводят глаза, когда я смотрю в ответ. Слухи Артура сделали своё дело. Люди сомневаются, что у нас всё гуд.

Наш стол с Тохой там, откуда видно почти всех. Беру бокал с морсом, морщусь, но надо держать голову трезвой и холодной. Начинаю сканировать зал.

Я достаю телефон, захожу в приложение.

О, это отличный ход. Тоха — гений. В каждой цветочной композиции спрятан микрофон. На экране у меня список каналов. Только переключайся и слушай.

Канал 3 — бухгалтерия:

«Я из Сибири, девочки, но меня тоже снег и морозы достали. Скоро весна! Я уже радуюсь чириканью воробьёв!»

«Птички запоют, значит, весна. Весна, значит, скоро Пасха. Пасха, значит, нужно на кладбище убираться идти.»

Ё-моё...

От воробьёв до кладбища разбег одна секунда.

Что за депрессуха в бухгалтерии?

Канал 7 — отдел продаж.

«Я щас умру, как тут красиво!»

«Вау!!!»

Знали бы вы, сколько бабок заплачено за ваши посиделки.

Хорошо, хотя бы оценили.

«Девочки, а впереди ещё 23-е. Что подарить мотоциклисту? Есть и перчатки, и экипировка полная. Он больше ничем другим не интересуется.»

«А если кроссовки?»

«Какие он носит, стоят семнадцать тысяч. У меня столько свободных деняк нет.»

«Семнадцать тыщ, дорого для 23 февраля. Я про 14-е долго думала, всю голову сломала. Купила рюкзак прикольный.»

«Чёт дофига на такой обосанный праздник. Чего-то маленького, миленького было бы достаточно. Валентинки и подарочка вполне хватит для этого дня.»

Детский сад какой-то.

Новенькие? Стажёры, что ли? Им копейки платят?

Позорище... почему у моих начинающих менеджеров нет 17 косарей на кроссовки?

Пишу в календарь себе заметку. Надо поднять вопрос с экономистами. Что у них там со штатным расписанием и планированием фонда оплаты труда?

Пока набиваю текст, женские голоса из отдела продаж разбавляют мужские.

«Для меня это всё что угодно для рыбалки.»

«А если у него нет хобби? Он занят учёбой.»

«Ну, книга, мне кажись, имба будет. А так у него же есть свои интересы, о которых он молчит. Лучшие спросить. Рот на что?»

«Знаешь, к сожалению, не все нормально отвечают, что им подарить. В моей жизни все мужчины говорят: не знаю; да ничего не надо.»

«Хах! Вот вы заморачиваетесь! Мне кружка была в кайф, она литровая, поэтому мне понравилась.»

«Канцелярия, кстати, тоже имба, если учится парень. Можно прикольную настолку, наушники, чехол для наушников.»

«Я своему хочу подарить подвески. Они парные. Меч, как у рыцаря, и красное сердце. Меч вставляется в сердце, вместе это выглядит бомбезно! Он заберёт меня после корпоратива, мы поедем к нему. Там и подарю.»

Надоели!

Бред какой-то несут. Где информация по существу?

Канал 12 — сервис. И вот тут интересно.

«...Слышал, клиентов забрали? Шесть машин, Карл!»—

голос механика Петровича.

Старая крыса.

«Да ладно?»— второй голос, молодой, кажется, новый ученик. — «А чё так?»

«А чёрт его знает. Говорят, у босса проблемы. Дилерство отберут, и бизнес накроется медным тазом. Мастерская без салона в одиночку не выживет. Мы денег-то особо не приносим в казну. Работаем больше для престижа. Я думаю, может, по вакансиям пробежаться, да резюме выложить? Пока не поздно.»

Пауза. Я сжимаю челюсть.

«А с баблом что?»— спрашивает молодой. — «Зарплату задерживать будут? Были уже задержки?»

«Не знаю, будут или нет. Раньше задержек не было,»— Петрович вздыхает. — «Но ты смотри, парень. Лучшие не тяни до последнего. Я как-то в кризис, в 2009-м, работал в другом сервисе и натерпелся тогда, мама не горюй. Сначала обрезали премии, потом снижали оклад. В итоге всё равно я ушёл.»

«И сколько будут платить?»

«Лям!»

Хором ржут, как кони.

«Ну, будешь за пачку чипсов работать.»

«За шоколадку.»

«За спасибо и крепкое рукопожатие.»

Я выключаю канал.

Мрази.

Ещё ничего не произошло, но вот такая гниль, как Петрович, будет разлагать весь коллектив вокруг себя.

Уволить, к чёртовой матери!

Переключаюсь дальше. Канал 15 — девушки из администрации. Хихикают.

«А у меня сегодня гипсофилы.»

«А у меня утром были синие розы. Вон какие, смотрите.»

«Это не розы, а эустома.»

«А я сама букет купила, теперь тюльпаны стоят.»

«У меня блендер.»

«А у меня скандал.»

«А у меня роллы. Кайф.»

«Эх, вот бы у нас просто ссоры пропали. Других подарков не надо.»

«Да-да, согласна, эти ссоры... хочется, чтоб их не было.»

«Не нужны мне никакие серьги. Слишком это дорогой подарок на 14 февраля. Мне, пожалуйста, просто рядом его...»

«ДЕВОЧКИ... а мы сегодня обнялись!»

«О-о-о, мило!»

«Я за вас так рада, будто со мной это произошло!»

Будет что-нибудь про работу?

Есть какие-то мысли?

Нет. Обсуждают мою рубашку.

«Смотри, какой сегодня босс элегантный.»

«Да он всегда элегантный, ты видела его бицепсы, когда он пиджак снимал?»

«Я его боюсь. Он всегда такой строгий. Даже сейчас. Вроде праздник, все смеются, а он с телефоном сидит с лицом маньяка.»

Сейчас я вам покажу маньяка!

Резко поднимаю глаза в сторону столика, где сидит администрация. Быстро отворачиваются. Кто-то взвизгнул.

Дуры.

Тоха сидит в другом углу зала с телефоном и делает вид, что что-то читает. А сам, скотина, слушает то же, что и я. Переглядываемся, он поднимает бровь: «ну как?»

Киваю: «работает».

Канал 9 — снова сервис, но из другой смены. Боря Карпович и его компания. Я по картинке вижу.

«Да моя ваще чёт озверела! У неё день рождения 12 февраля, а потом ещё и 14 февраля! А ещё 23 февраля у мамы день рождения. Это чё за жесть?! Я обанкрочусь так!»

«Ха-ха, удачи тебе.»

«Слышь, а эта, новенькая...» — Боря понижает голос, но микрофон ловит. — *«Нормальная тёлка, если приглядеться. Но странная. Молчит всё время.»*

«Ага,» — второй голос, ленивый. — *«Пацаны говорят, рисует на перерывах. В блокноте. Портреты какие-то. Может, художница?»*

Боря усмехается.

«Мне пофиг, лишь бы работала нормально. А то понаберут со справками всяких, а мы потом за ними переделывай.»

О ком это они?

Сервис в принципе взаимодействует почти со всеми отделами.

«Я думал, она вообще юбки не носит, а сегодня в платье пришла. Зачётная фигура!»

«Ага, буфера загляденье!»

У кого? Где?

Кручу головой, прослеживая траекторию их сальных взглядов.

Виола...

Она?

Или?..

Пытаюсь приблизить зум камеры в приложении.

Точно она.

Стоит у окна. Одна. В чёрном платье, которое на ней сидит так, что у меня глаз дёргается.

Волосы распущены. Тёмные, густые, до лопаток, падают на плечи, на спину. В свете лампы видно, что они живые, блестят.

Сжимает бокал с соком, не пьёт. Смотрит на шоколадные

открытки из композиции.

Платье без изысков. Простое, ничего лишнего. Декольте в рамках приличия. Но, конечно, не гуманно так шокировать своим преображением. Фигура зачётная, буфера, и правда, загляденье.

Зачем мне эта информация?

Она поворачивается и читает объявление на стене: «Ведётся видео- и аудиозапись в целях безопасности».

Люди знают, что их могут слушать. Но никто не верит, что реально слушают. Все думают, что это написано для галочки.

Но, когда бизнес на краю пропасти, приходится заниматься такой дичью.

Я должен знать, какие крысы первыми прыгнут за борт, и кто собирается топить корабль изнутри.

Переключаюсь на другой канал.

Канал 4 — отдел кадров / HR. Мужские и женские голоса вперемешку.

Спорят.

«Зачем так делать?»

«Для баланса вселенной.»

«Чтобы поржать с друга, а потом с другом поржать над самой затюканной коллегой.»

«А без травли других людей шутить нельзя уже, да?»

«Можно, но это не травля даже, а просто мемасик, который делали буквально все.»

«Ну, вы в курсе что это неприятно? Лично я никогда так

не делала.»

«Нашлась жертва подобного.»

«Слушай, когда тебя и твои чувства воспринимают чисто, как повод пошутить с другом — это и есть травля!»

«Да я в прошлом году отправил самому стрёмному типу из айтишников валентинку от имени его бывшей из рекламного отдела, а он поверил и до сих пор иногда за ней ухаживает.»

«Аха-хах, да-да... у Дэна погоняло Купидон.»

«А я так от имени подруги её крашу написала валентинку. Они встречаются уже 1 год и 6 месяцев!»

«В том году 33 валентинки от имени Дэна отправил главному ей 50+ лет.»

«Так это ты был?! Ты жертва пьяной акушерки! Она мне два часа лекцию читала, что мои чувства невзаимные, что она замужем и между нами ничего не может быть, и бла-бла-бла! Потом ещё месяц интересовалась, всё ли у меня в порядке!»

«АХАХАПХАХ!!!»

«Каждый год смешно!»

«Люди, вы чё? Ещё не поздно, пишем две валентинки, подбрасываем двум рандомным коллегам и не забываем написать что-то вроде: ты мне нравишься, давай встретимся около туалета в... Всему вас учить!»

«Имба идея!»

«Я даже знаю, какую бумагу буду использовать.»

«И сам дьявол будет шептать текст...»

«Оксана вечно у нас всяких убогих защищает. Да ничего с ней не случится. Просто всем весело будет. Она же гвоздь программы!» — голос главной стервы Карины.

О чём это она? Что задумали?

Хихиканье.

«Платье нацепить ума хватило, а сумочку вместо рюкзака взять, толка нет. Интересно, что у неё там? Наверное, тот самый блокнот. С портретами.»

«А давайте посмотрим?»

«Да ну, неудобно,» — вяло возражает кто-то.

«А чё неудобно? Она же странная. Может, там вообще рисунки неприличные? Может, она меня рисует, а я согласия не давал!» — гундосит Костик.

Да уж.

А я его считал нормальным.

Вы понимаете, кого обсуждают? Конечно, Виолу.

«Реально для неё камышей принесли? Где взяли?»

«Ага, вы попробуйте их ещё найти. В лавке сухоцветов для декора купили.»

«Вот и говорите после этого, что внешность не роляет,» — возмущается защитница Оксана.

«Внешность роляет, ну да ладно.»

Ржут во всю глотку.

Неестественный, злорадный смех.

«Осторожно! Самые, так называемые стрёмные, самы-

ми красивыми потом оказываются!»

«Да-да, самый гадкий утёнок, позже становится прекрасным лебедем...»

Выключаю звук. Убираю телефон.

На диван за нашим столом плюхается Тоха.

— Ну как улов?

Мой зам кривится:

— Не густо, к счастью. Я предполагал, основной замес будет среди руководителей подразделений, в администрации, среди экономистов, а там...

— Идиотизм, скудоумие, безмозглость, тупость.

— Расслабились в неформальной обстановке? Реально иногда смотришь и думаешь, какой коллектив хороший. А на самом деле...

— Дерьма везде хватает.

— Сервис придётся чистить. Иначе паника, как плесень расползётся по всем углам.

В этом наши мысли сходятся. Петровича убираем, как зачинщика.

— Слышал про гвоздь программы?

— Ты про Виолу? Да, её троллят.

— Они ей камыши принесли.

— Камыши? Аха-ха-ха, — Тоха вздыхает, — креативно.

Остановить их?

У меня мелькнула такая мысль. Но я одёргиваю себя: не лезь, она тебе никто.

— Зачем? Ты же хотел дать народу «хлеба и зрелищ».

— Ладно. Посмотрим... — тянет Тоха, поглядывая иско-са на Виолу. — Однако настроить так коллектив против себя, это талант. Парни бесятся, что она затмила маляров по сложным работам. Ей мелкие пакости делают, а она их профессионально унижает. Девки не любят, потому что не подлизывается, не пьёт, не курит, не треплется языком. После работы сразу домой. Ни с кем не дружит. Для всех — белая ворона. К тому же, — он понижает голос, — красивая, как оказалось. А это всегда проблема в женском обществе. Вызов. Не обколотая уколами, без пластики. На фоне пластиковых однотипных манекенов выделяется...

— Какая пластика? Какие уколы? Откуда деньги?

— Это да. — Тоха смотрит в телефон: — Мать в больнице, ждёт операции. Они живут вдвоём в хрущёвке на окраине. Ни парня, ни подруг. Есть хобби — рисование. Художка за плечами, даже выставки какие-то были, пока мать не заболела. Полная финансовая яма. Работает как проклятая, берёт дополнительные смены.

Я молчу.

Информация ложится в голове ровными рядами, как папки в архив.

Отлично осознаю, куда ведёт мой зам. Всё никак не бросит тему с Золушкой.

Пытается подsunуть мне идеальный актив. Никаких связей, полная зависимость. Не спорю, для роли невесты — луч-

ше не придумаешь.

— Изгой, значит.

— Изгой. — Тоха убирает телефон.

Уже знаю, какие речи он готовит. Будет убеждать, что это сродни благотворительности, сделать несчастную девушку чуть менее несчастной и чуть более богатой заодно с решением моих проблем.

Нахожу Виолу взглядом.

Опять стоит одна. Не суетится, не пытается втереться в чью-то компанию, не ищет, к кому бы пристроиться.

— А вот и камыши, — комментирую оживление вокруг неё толпы.

— Ага, — Тоха скептически щурится. — Балаган начинается. Пойду проконтролирую. Нам всё-таки нужен позитивный праздник и фотоотчёт.

И вдруг волна смеха. Громкого, пьяного, недоброго.

Я поднимаюсь.

По залу передают из рук в руки пачку валентинок. И каждый, кто читает, ржёт всё громче. Кто-то кричит:

— Виола, ты это писала? Признавайся!

Ещё смех. Кто-то вырывает открытку и читает вслух:

— «Миран, ты моё солнце!» Ой, не могу! Замарашка в босса влюбилась...

— «Это любовь с первого взгляда!»

Если и могла Виола влюбиться с первого взгляда, то не в меня, а в коллекцию машин.

Что странно, но в первую встречу я не почувствовал к себе интереса, как к мужчине.

Чушь какая-то.

— А это что? Смотрите, у неё в рюкзаке!

Я сжимаю зубы.

Не трогайте!

Мысль приходит неожиданно и зло. Я сам от неё вздрагиваю. С каких пор мне есть дело до того, что в чьём-то рюкзаке?

Виола вмиг побелела.

Она пытается улыбаться, делать вид, что ей не больно, но у неё плохо получается. Руки дрожат, бокал с соком подпрыгивает.

Один из механиков, здоровый бычара с руками-лопатами хватает рюкзак. Виола бросается к нему, но поздно.

Рюкзак раскрыт, и оттуда вываливается блокнот.

Обычный блокнот в твёрдой обложке. Он падает на пол, раскрывается и незакреплённые листы разлетаются.

И зал затихает.

Потом взрывается диким хохотом.

Я подхожу ближе. Сквозь толпу вижу: на страницах блокнота рисунки карандашом. Много рисунков.

И на всех — я.

Я в автосалоне. Я в мастерской за рулём ретро-автомобиля. Я с документами в руках. Я в кабинете.

— Офигеть!

— Ёлы-палы, — поддатый Карпович поднимает один лист и пошатнувшись показывает всем. — Реально влюбилась, что ли?

Хохот перерастает в свист, овации.

Виола молчит. Бледная, как снег за окном.

Я смотрю на неё. Вспыхивает ярче костра рябины, пытается что-то сказать, но голос не слушается.

В огромных глазах скопился океан слёз. Вот-вот случится потоп.

Нижняя губа трясётся.

Метнувшись к рюкзаку, она собирает рассыпавшиеся рисунки дрожащими руками, запихивает в рюкзак и выбегает из зала.

Двери хлопают.

В зале повисает неловкая тишина. Кто-то ещё хихикает, но уже неуверенно. Тоха смотрит на меня, ждёт реакции.

Толпа, внезапно очнувшись, замечает наконец меня.

Боря краснеет, мямлит извинения. Я просто вытягиваю из его рук свой портрет.

В мгновение сборище рассеивается, как косяк сардин расплывается при виде акулы.

Ведущие и аниматоры стараются повернуть праздник в управляемое русло.

Мы с Тохой возвращаемся к своему столу.

Я разглядываю рисунок.

Нисколько не удивился бы, увидев глупые сердечки, деви-

чьей глупости. Но тут другое.

Внимательный, детализированный, профессиональный рисунок.

Она поймала взгляд. Усталый, жёсткий, глубокий.

Она нарисовала меня настоящего. Без попытки приукрасить.

Это не рисунок влюблённой дурочки, работа художника, который «видит».

Почему она рисовала именно меня?

Зачем?

Тоха смотрит на рисунок в моих руках, потом на меня.

— Миран? — осторожно спрашивает он. — Чего делать будем? У нас бизнес на кону. Влюблённость главной кандидатки на роль Золушки может стать проблемой... Пу-пу-пу... А я, честно, уже обрадовался, девочка-изгой ни с кем не сговорится, не будет использовать ситуацию.

Перевожу взгляд на улицу. За окном зимний вечер.

Снег падает крупными хлопьями, кружится в свете фонарей. Красиво. Сказочно. Завораживает.

— С другой стороны, — озвучиваю хладнокровно, — это повод для неё согласиться на твой план.

На этих словах в груди разливается липкое, неприятное чувство.

Что это? Жалость? К ней? К себе? К тому, что я вынужден так жить?

Для меня, циника, это вообще нонсенс — замечать такое.

Я аккуратно складываю рисунок. Медленно, стараясь не повредить края. И убираю во внутренний карман пиджака.

— Хех! Поближе к сердцу? — давит лыбу Тоха. — Ух...

— Завтра утром, — обрываю его стёб, — приведёшь её в переговорный кабинет. Без объяснения причин. Пусть Ратмир контракт подготовит.

— Брачный?

Прибил бы паршивца за его язык, но зам мне ещё нужен.

Глава 5 «С законным браком».

Миран Сомов

Три дня я как ошпаренный ношусь по юристам, пока эти гниды разводят руками и говорят одно и то же: «Миран Фёдорович, де-юре вы ничего не можете сделать».

И вообще, по данным Ратмира, на мой бизнес уже есть покупатели.

— Всё, готовь вазелин, — выражается Тоха, заходя ко мне в кабинет без стука. Это кодовая фраза, означающая, что проблема просто жёсть. — Я нарыл, кто покупатель. Они уже три салона в регионе скупили и по кускам распродали. Если они подпишут с холдингом предварительный договор, а через неделю основной. Нас с тобой — на хутор бабочек ловить.

Кидает какую-то папку на стол.

Я смотрю в одну точку на стене и чувствую, как внутри всё сворачивается в тугий узел.

Тринадцать лет. Чёртову дюжину лет я из мусора лепил конфетку. Нанял людей, разруливал долги, вкладывал каждую копейку в оборот и в оборудование. Отец, который давным-давно отжал эти руины за долги и не знал, что с ними делать, скинул на меня неликвидный балласт и успел за это время посидеть, а два года назад отойти в мир иной.

И что теперь? Мой труд, пропитанный потом и кровью,

пустят с молотка?

У нас уже нет никаких полгода. Счёт пошёл на недели, в лучшем случае два-три месяца. Агрессивный стервятник та ещё заноза в ягодицах.

— Может, вернёмся к той мысли? — Тоха садится напротив и трёт лицо ладонями. Видно, что не спал, на нервах. — Полный зашквар, конечно, идеяка, но других нет.

— Ну? — цежу я, массируя ноющие виски.

— Помнишь, Ратмир говорил про судебную практику? Если бы завод был оформлен 13 лет назад, тогда действовал другой закон. А как оформить сейчас, если с марта прошлого года закон изменился? Проведи аналогии на нашу ситуацию.

Я смотрю на него исподлобья. Достает он меня своей манерой рассуждать вслух и ходить кругами.

— Ты к чему ведёшь? Короче давай.

— Короче? — Тоха сглатывает и выдаёт: — Если на момент сделки у продавца будет жена, имеющая право на обязательную долю плюсом ещё и в земле, участках под зданиями и прочими строениями, то процесс пойдёт по другому принципу. Законная супруга должна подписывать согласие на сделку с совместно нажитым имуществом...

— Ты в своём уме? — рявкаю я, резко подаваясь вперёд. — Какую, нафиг, землю? Ты предлагаешь мне землю крестьянам раздать?

— Нет, — Тоха поднимает руки, словно сдаётся. — Я предлагаю тебе жениться.

Опять?

В кабинете повисает тишина. Я смотрю на него как на шизоидную биомассу.

— Ошалеть идея, — усмехаюсь я без тени веселья. — И на ком, интересно на этот раз? Твоя Золушка слилась, если ты помнишь. После корпоратива ушла на больничный и трубку не берёт. Новую нашёл?

— Нет, я всё ещё говорю о Виоле, — с киношной задержкой уточняет мой твердолобый зам. — Послушай, не перебивай. Нужна девушка, которой можно доверять. Которая не кинет, не сольёт инфу, не потребует половину. Которая подпишет брачный контракт, где откажется от всего, и согласится пожить с тобой для вида полгода-год, пока вопрос с бизнесом не решится. Девушка, которой можно заплатить. И которая... ну, которая тебе не противна.

Фердипердозно просто!

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. В башке шумит, как после пьяных каруселей.

В и о л а.

Три дня ходили кругами, чтобы вернуться туда, откуда начали. По ощущениям у меня за эти три дня год жизни прошёл.

Опять Виола.

С её по-идиотски мечтательной улыбкой и рассуждениями о любви до гроба. Эта чиканутая по-любому верит в принцев на белом коне и секс — только после свадьбы.

Она же краснеет от каждого слова и сразу бормочет что-то невнятное.

— Я тебе говорил, — выплёскиваю я спокойно. — Она на такое не пойдёт.

— А ты спроси, — выпаливает Тоха поспешно. — Ты ей нравишься. Я видел, как она на тебя смотрит. Портреты твои рисует... Да, она правильная, но мозги у неё варят. Объясни ей ситуацию. Поставь условия. Ты же умеешь договариваться.

— Я умею заставить, — поправляю я. — А с этой так не выйдет. Она сломается и убежит.

— А ты не ломай. Ты предложи. Честно. Скажи, что это бизнес. Что ты её пальцем не тронешь, если не захочет. Что она получит деньги, решит свои проблемы с матерью, с долгами... У неё же вечно на всё денег нет. А тут — квартира, нормальная жизнь, никакой работы на износ.

Я молчу, переваривая.

В теории — да, звучит неплохо. Если найти подходящую бабу, которая согласится играть по моим правилам.

Тоха двигает по столу ко мне папку.

Нехотя открываю — личное дело Виолы. Служба безопасности не зря свой хлеб ест.

Фото её на первой странице строгое, без улыбки. Лицо интересное. Не гламурная кукла, а, я бы сказал, порода. Такая лет через десять будет выглядеть ещё лучше, чем сейчас, если, конечно, перестанет травить руки химией и нормально

питаться.

Скулы острые, губы полные, даже без помады видно, что форма хорошая. Шея длинная, тонкая — в постели такие любят, когда целуют.

Глаза большие, тёмные, с поволокой. В них сейчас испуг, но, если убрать испуг, там может быть что угодно. Страсть, например. Или ненависть. И то, и другое для моих целей сгодится.

Нормальная фигура, грудь тоже ничего, и, похоже, натуральная. Если эту Виолу приодеть, подшаманить, она легко даст фору манекенам в пластике. Фасад у неё зачётный, а вот вложений никаких.

Перелистываю.

Кредитная история: долг 1,2 миллиона рублей. Операция у матери на сердце, год назад. Ждёт следующую. Плюс реабилитация, плюс лекарства. Кредит брали в двух банках, плюс микрозаймы под бешеные проценты. Просрочка по всем — полгода. Коллекторы звонят.

Никакой личной жизни: соцсети пустые, друг нет, парня тоже. Проверка по операторам связи показала, что за последний год она созванивалась только с матерью, больницей и работой в клининге.

Последние страницы — характеристика: «ответственная, трудолюбивая, но некоммуникабельная».

Я закрываю папку.

Идеально.

Полная зависимость. Никаких красных линий. Никаких тылов. Идти некуда. Да ещё и с милой мордашкой. Нам нужна картинка счастливой семьи. С такой картинка будет что надо.

— Ладно, — я протираю глаза от напряжения. — Допустим, она согласится. Дальше что? Я привожу её к покупателям и говорю: знакомьтесь, это моя жена, отвалите? Они же порвут меня, как тузик грелку.

— Не-не... Не сразу, — качает головой Тоха. — Сначала вы просто расписываетесь. Лучше по-тихому. Свидетели, нотариус, брачный контракт. Главное, чтобы все увидели, что вы реально живёте вместе, что она приезжает с тобой в офис, на мероприятия... Они поймут, что отхватить жирный шматок не получится, начнут просчитывать риски. А она, по контракту, от всего отказалась, но они-то об этом не знают. Для них она законная жена, а значит, участник сделки. Ни один покупатель не влезет в такое дерьмо с возможными исками от супруги.

Я встаю и подхожу к окну.

За стеклом мрачное серое небо, идёт долбаный снег, люди бегут по делам. Обычная жизнь, которая мне всегда была до фонаря.

И вдруг в этой жизни появляется возможность всё сохранить.

— А если она потом начнёт шантажировать? — спрашиваю я, не оборачиваясь. — Если потребует больше?

— Брачный контракт, Миран. — важно уточняет Тоха. —

Там всё прописано. И потом... Ты же её знаешь. Она не такая.

— Все они не такие, пока не почувствуют бабки.

— Тогда давай найдём другую, — удручённо вздыхает мой зам. — Какую-нибудь актрису. Заплатим, сыграет роль.

Но актрису придётся учить, контролировать, бояться, что она сольёт инфу. А Виола уже в теме. Она видела тебя, она тебя рисует, она... она, походу, искренняя. Это редкость.

Я поворачиваюсь и смотрю на друга. Он выглядит таким же вымотанным, как я. Так же ишачит, рвёт жилы. А теперь сыт, что комфортная жизнь и чёртова дюжина лет улетят коту под хвост.

И кстати...

История с рисунком может стать отличной легендой для прессы. Талантливая художница влюбилась в босса. Роман-тично, красиво, правдоподобно.

— Повторяю. Ты уже звонил, и Виола твоя трубку не берёт.

— Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, — давит довольную лыбу, понимая, что опять меня уболтал на Золушку Виолу.

А у меня за грудиной что-то щёлкает. Словно счётчик включился. Обратный отсчёт до апокалипсиса.

— Ты с ней будешь говорить. — процеживаю беззлобно.

— Почему это я?

— Потому что, если я начну, я её пошлю в пешее эроти-

ческое на второй минуте, когда она начнёт мямлить про любовь и принципы. Ты у нас дипломат. Уболтай её. А я потом условия поставлю.

В спальный район на окраине мы припёрлись за час до конца рабочего дня.

— Вот её дом, — Тоха указывает на уставшую хрущёвку.
— Средний подъезд.

Брезгливо осматриваю халупник. Балконы выглядят пугающе из-за ветхости и хаотичного остекления, создавая атмосферу постапокалипсиса.

Полный судьбец, мотаться каждый день через полгорода, чтобы упасть в кровать, а утром тащиться обратно. Отстой отстойный.

Хотел доехать до подъезда, но мало того, что припарковаться негде, так ещё и дорога, как после бомбёжки. Объезжаю яму и останавливаюсь, не заезжая во двор.

— Да уж-ж-ж... — сипло тянет Тоха.

— Пешком дойдёшь, не переломишься. Без колёс останемся, где в этом срачельнике будем шиномонтажку искать?

— В гаражах.

— Ага. В гаражах я ещё не ремонтировался.

Стадию «позвонить в домофон» мы проходим быстро, потому что... он сломан. Доводчик вырван из двери и болтается на болтах в потолке.

Куда мы попали? Как в гетто, ей-богу.

Поднимаемся на нужный этаж... пешком по лестнице, по-

тому что лифта в пятиэтажке нет.

Тоха нажимает на кнопку звонка. Ещё раз.

Она там живая? Может, с девчонкой случилось что? Квартал выглядит криминогенным, исключать такую версию не стоит. Три дня человек трубку не берёт.

Наконец, шуршание за дверью и шорох у глазка. Но дверь не открывается.

— Виола, открой, пожалуйста, — бухтит мой зам.

Чувствую себя стрёмно. Как будто мы свататься пришли, свадебный генерал на месте, пыжится, а нам от ворот поворот.

Аллилуйя!

Замок щёлкает и в дверном проёме появляется Виола в дурацкой пижаме, с мокрыми после душа волосами.

— З-здраф-ф-фстфуйте... — жуёт приветствие с набитым ртом, едва разборчиво.

Чуть не давится крошками, но быстро прокашливается.

Вот же чёрт.

— Здравствуй, Виола!

— Привет, — выдыхаю устало.

— Как у тебя дела? Ты трубку не брала, — наяривает Тоха с улыбочкой.

— Я-я... я... на больничном, — бормочет, не прекращая жевать. — Имею право... не брать... трубки.

— Мы можем войти? — дружелюбно напрашивается мой зам.

— Зачем? Вы-ы... вы хотите меня ув-в-волить? Нельзя.

— проглатывает остатки еды и мотает головой. — Н-н-нельзя меня уволить во время больничного.

— А, ты за это переживаешь? Ты неправильно поняла. Не беспокойся...

— Скажи, дело есть, — обрываю Тоху.

Этот и полчаса может языком чесать ни о чём. Из пустого в порожнее.

В итоге она внутрь нас впускает. Проводит в комнату.

Светло. Чисто. Уютно. Нехилый контраст с внешним видом обшарпанного дома.

Мебель простенькая, но ухоженная. Я назвал бы стиль интерьерера — скандинавским. Ничего лишнего, каждая вещь на своём месте. Два шкафа, полные книг вполне вписываются.

Мягкий диван. Торшер.

— Садись, — буркаю я, возвращая взгляд к ней.

Она устраивается рядом с Тохой на диване, напротив меня. И сразу напрягается. Видимо, по рожам нашим понимает, что не ужинать мы пришли.

— Э-э-м... Что-то случилось? — спрашивает она тихо, тебя свою уродскую пижаму.

Не пойму, что за рисунок на ткани? Щуки? Приглядываюсь и сразу отворачиваюсь, чтобы не подумала, будто я её разглядываю. Накрутит себе нервы на пустом месте.

На больничный ушла, чтоб скандал на корпоративе утих?

Надо расставить точки, чтобы забыла об этом.

— Ситуация на корпоративе, полный непрофессионализм персонала. С виновными я разберусь отдельно. Ты показала себя отличным специалистом. Я ценю таких людей.

— Я... спасибо, — шепчет она.

Я даю ей время. Пусть подрожит. Страх хороший катализатор для принятия решений.

Через паузу киваю Тохе: давай.

— Виола, — начинает он проникновенно, — у нас к тебе очень серьёзное предложение. Точнее, не у нас, а у Мирана. Но касается оно и меня, и всего, что мы строили тринадцать лет.

— Я слушаю.

— Ты знаешь, что у Мирана есть сеть автосалонов, кроме сервисов, — продолжает Тоха. — И сейчас появился человек, который хочет этот бизнес отобрать.

— Я слышала, ребята в мастерской говорили о каких-то проблемах.

— Да, — Тоха подаётся вперёд. — Плохой человек хочет сбить цену, чтобы потом продать наш бизнес каким-то мразям, которые распилят его на куски. А у Мирана нет законных прав ему помешать. Понимаешь? Никаких. Потому что они подкованные и специализируются на разрушении чужого бизнеса. У них это поставлено на поток.

— Это ужасно, — она смотрит на меня с сочувствием.

Я молчу, только челюсть стискиваю.

— Но есть один выход, — Тоха делает паузу. — Если у

Мирана появится жена, то будет шанс испортить планы плохого человека.

Виола хмурится, пытаясь сложить пазл.

— При чём здесь жена Мирана? — растягивает без явного понимания. — У него же нет жены.

— Пока нет, — мягко стелет Тоха. — Мы хотим предложить тебе стать ею.

Пауза.

Долгая, тягучая.

Виола смотрит на нас по очереди, и её лицо постепенно заливается краской.

— Это шутка? — пыхтит она, вставая. — Вы предлагаете мне фиктивный брак? Вы... вы устроили розыгрыш? Куда смеяться? Где скрытая камера?

Она с гневом осматривает нас по очереди с ног до головы.

— Виола, послушай. Это не шутка и не розыгрыш, к сожалению. Это серьёзное предложение. Сделка, чтобы спасти нашу работу, — поправляет Тоха. — Чтобы триста человек не остались без работы. Чтобы мы все не остались на улице. Это не обман, Виола. Это защита того, что принадлежит Мирану по праву.

— По праву? — она едко усмехается, и в этом смехе нет ничего от той наивной девочки, что неделю назад бегала с тряпкой по моему салону. — Юридически имущество принадлежит Мирану. Каким бы ушлым ни был этот плохой человек, он не сможет отнять собственность. А если у него по-

лучится, может, потому что и ваш бизнес не такой честный? Фиктивные браки запрещены. А вы хотите, чтобы я нарушила... закон?

— Ни черта подобного! — взрываюсь я, не выдержав. — Ты знаешь, сколько я в этот бизнес вбухал? Тринадцать лет назад я там каждую гайку своими руками крутил! Я долги раздавал! Это моя жизнь, которую я просто пытаюсь не просрать!

Виола смотрит на меня в упор, и в её глазах стоят слёзы.

— Мне очень жаль. Я понимаю, Миран, — выдавливают она тихо. — Правда понимаю. Это несправедливо. Но то, что вы предлагаете... Это же сломать мне всю жизнь.

— Почему сломать? — Тоха снова включается, ласковый такой, увещательный. — Ты подписываешь брачный контракт, где всё прописано. У тебя отдельная комната, если захочешь. Содержание. Никаких обязательств, кроме как появляться вместе на мероприятиях и жить в одном доме для вида. Полгода, может, год. А потом развод, и ты свободна, ещё и с деньгами.

— С деньгами, — шелестит, едва не задыхаясь. — Думаете, мне только деньги нужны?

— Нет, — качает головой Тоха. — Думаем, что ты хороший человек, который может помочь. И которому помощь тоже не помешает. Мы тут посоветовались и прикинули твою ситуацию. Она, скажем так, не очень... Твоя мама лежит в городской больнице. Долг 1,2 миллиона рублей. Плюс про-

центы ещё около трехсот тысяч. Плюс микрозаймы — там уже за полгода накапало почти двести. Итого — под два ляма. Плюс долги за квартиру, коммуналку. Плюс коллекторы. Это же годы работы. Это кабала на всю жизнь. Я прав?

У неё вся краска сходит с лица. Теперь она белая, как стена. Хоть плачь!

— А тут решение всех проблем. — Тоха подводит итог. — И никакого криминала, всё законно.

— Разве обманывать законно? — она смотрит на меня, ищет ответ.

Я подхожу к ней. Близко, почти вплотную. Она не отшатывается, только голову задирает, чтобы видеть мои глаза.

— Я не хочу, чтобы мой бизнес разобрали на шурупы, — бросаю из-за непонятого волнения не в меру агрессивно. — Мне плевать на закон, на мораль, на справедливость. Я хочу сохранить то, что создал. И если для этого нужна жена — значит, будет жена. Я тебя пальцем не трону, слово даю. Будешь жить в отдельной комнате, тратить мои деньги, ходить на ужины раз в неделю. А когда всё кончится, получишь хорошие отступные и свободна. Мне от тебя ничего не надо, кроме подписи и пары фотосессий.

— Так. — Тоха вклинивается между нами. — Виола, смотри, что мы предлагаем. — он начинает загибать пальцы. — Первое. Долги. Все. Полностью. Будут гаситься сразу же. Проценты, пени, штрафы, микрозаймы эти долбаные — тоже. Коммуналка будет оплачена. Коллекторы получат уве-

домление от нашего юриста, что любой контакт с тобой будет расцениваться как уголовное преследование. Они исчезнут, как их не было.

Она прищуривается. Смотрит с подозрением.

— Второе, — продолжает Тоха, — мама. Мы переводим её в лучшую частную клинику в Москве. Там лечат таких, как она. Полный пансион, индивидуальный уход, лучшие кардиологи. И не на месяц — пожизненно. Все счета — наши. Ты больше никогда не увидишь больничных коридоров и не будешь собирать деньги на лекарства.

Виола сглатывает. Глаза увлажняются.

— Третье. Жильё. — задвигает Тоха, дёргая своими пружинистыми бровями. — Забудь про свою квартирку на Пролетарской. Ты переезжаешь в дом босса. Особняк в Заречье, охраняемая территория, три этажа, свой сад, бассейн. У тебя будет отдельное крыло: спальня, ванная, кабинет. Полная приватность. Никто не войдет без спроса. Охрана на входе 24/7. Никаких коллекторов.

На этом её глазюки расширяются и становятся квадратными.

— Четвертое. Ты художница. Я наводил справки, у тебя даже выставки были, до того, как мама заболела. Так вот: в доме босса есть свободная комната на третьем этаже, с окнами на север. Идеальный свет для мастерской. Мы оборудуем тебе студию. Мольберты, краски профессиональные, настоящие, из Европы. Холсты любых размеров. И никаких огра-

ничений, рисуй сколько душе угодно.

Чёрт!

Опять его заносит. Про студию мы не договаривались.

Чует, что переборщил с плюшками, и подмигивает мне, мол, краски копейки стоят.

— Пятое. Статус. — добавляю от себя. — Никакой чёрной работы в салоне, в мастерской, во всем комплексе. Никто больше не посмеет на тебя косо взглянуть. Придурки, которые ржали над твоими рисунками, будут увольняться сами, когда узнают, кто ты теперь.

Она молчит, и я вижу, как в её глазах мечутся мысли. Страх, сомнение, надежда — всё вместе.

Она молчит долго. Минута, две. Я не тороплю.

— Почему... я? — выдыхает наконец.

Подонки. В курсе. Я позволяю себе лёгкую улыбку.

— Потому что ты — лучший кандидат на рынке, Виола.

— А ты... не боишься, что я влюблюсь? — выпаливает отрывисто.

Куда ж без этого?

Влюбляться я, разумеется, не намерен. Как увидел, к чему приводят эти треклятые чувства, любовь для меня под запретом. Я дал себе слово, что никогда не допущу ничего подобного. Короче, такой вариант точно мимо.

Однако полностью отказываться от общения с женщинами я, естественно, не собираюсь. Не монах же.

Тоха за моей спиной издаёт спёртый звук.

— Если влюбишься — это твои проблемы, — отвечаю честно. — Я в отношениях не участвую.

— А если ты влюбишься?

Нагло и откровенно усмехаюсь. Прямо в лицо ей.

— Я человек прямой, Виола. У меня этот орган, чтобы влюбляться, атрофирован. Так что не парься.

— Ты про сердце?

Она опускает глаза, и я вижу, как дрожат её ресницы. Рябь по телу ползёт. Блин, ну почему она такая живая? Почему не как все эти куклы силиконовые, которым пофиг, лишь бы бабки?

— Мне нужно подумать, — багровеет, не поднимая головы.

— Думай, — киваю я. — До завтра. В полдень я позвоню. Если скажешь «нет», мы ищем другой вариант. Если «да», завтра же едем к нотариусу.

— Так быстро? — она вскидывает глаза.

— Время не ждёт, — отрезаю я. — Через неделю у нас уже могут начаться проблемы.

Виола сжимает кулаки так, что костяшки белеют. А потом медленно кивает.

— Я подумаю. До завтра.

На следующий день в полдень я сижу в машине у её дома. Трубу она не берёт, на сообщения не отвечает. У меня внутри всё кипит, хочется разнести эту хрущёвку по кирпичикам.

Но я жду. Сам не знаю, почему.

В пять минут первого она выходит из подъезда. В том же пальто, как из секунда из 90-х. Подходит к машине, садится на пассажирское. Глаза красные, но смотрит прямо.

— Я согласна, — заявляет без предисловий. — Но у меня будет 5 условий.

— Валяй, — я откидываюсь на спинку, стараясь не показывать облегчения.

— Первое. Я живу в отдельной комнате, и ты туда неходишь без моего разрешения.

— Идёт.

— Второе. Никаких физических контактов без моего согласия. Даже для фото. Я сама решаю, когда можно обняться, а когда нет.

— Ладно.

— Третье. Я продолжаю работать. Не в твоей мастерской, естественно, раз уж ты против. Но я хочу набираться опыта по специальности, чтобы диплом не пылился зря. Найду где-нибудь работу. Ты не будешь мне мешать.

— Обсуждаемо. Работа «где-нибудь» не должна быть в гаражном СТО. Статус моей жены...

— Я понимаю! Что-нибудь придумаю. Но ты не против, чтобы я работала?

— Если мы согласуем твои «найду где-нибудь» и «что-нибудь придумаю», я не против. Работай.

— Отлично. Четвёртое. — она глубоко вздыхает. — Если

за это время я встречу мужчину, который мне понравится... ты не будешь препятствовать нашим отношениям. Понимаю, что для твоего плана это проблема, но я не собираюсь год сидеть взаперти и ждать.

Я смотрю на неё и чувствую странное раздражение. С какой стати она вообще думает о других мужиках, когда соглашается выйти за меня? Даже понарошку.

— А когда этот мужик захочет тебя натянуть? — осаживаю её грубо. — Ты ему дашь, пока ты замужем?

Она краснеет, но не отводит взгляд.

— Это тебя не касается. Как и моя личная жизнь.

— Ещё как касается, — усмехаюсь я. — Если ты засветишься с кем-то, пока мы в браке, кто-нибудь пронюхает. И весь план накроется. Так что, извини, но гулять будешь после развода.

— А если я скажу, что без этого не согласна?

— Значит, не договорились, — резюмирую скупно, без давления и не повышая тон. — Ищи другого спонсора.

Этого хватит, чтобы утихомирить женские эмоции.

Мы смотрим друг на друга, и в машине повисает тишина. Она кусает губу, я жду.

— Хорошо, — шипит она наконец. — Но тогда ты тоже не имеешь права ни с кем встречаться. Чтобы не рисковать.

— Я и так ни с кем не встречаюсь. Я занимаюсь сексом, когда хочу, с кем хочу. И это разные вещи.

— Значит, никакого секса на стороне, пока мы женаты, —

отрезает она. — Чтобы не рисковать. Я же рискую.

Я смотрю на неё и понимаю, что она реально не шутит. Эта шелупонь пытается торговаться со мной на равных.

— Очешуешь, у тебя аппетиты. Я плачу тебе деньги, решаю твои проблемы, даю крышу, а ты мне будешь указывать, с кем мне спать?

— А ты будешь указывать мне, — парирует она. — Это называется взаимные уступки. Или ты думал, я просто подпишу всё и стану твоей куклой?

Я молчу.

В голове проносится сотня вариантов, как её послать. Но потом я вспоминаю лицо Тохи, салоны, сервисы, склады, людей — всё, что мы строили.

— Ладно, — цежу я сквозь зубы. — Уговорила. Но если я узнаю, что ты кому-то ляпнула про наш договор, пеняй на себя.

— Не ляпну, — она чуть расслабляется. — Мне своё будущее дороже.

— Пятое условие? — подгоняю сухо.

— Пятое, — она достаёт из кармана сложенный лист. — Вот список того, что мне нужно.

Я читаю список и чувствую, как в груди поднимается злость пополам с уважением. Она всё продумала. Ночью небось не спала, писала.

Кроме оплаты лечения мамы, она потребовала, чтобы я гарантировал её безопасность в любой ситуации.

Нормальная? Думает, я её прикончу, что ли?!

В принципе, после этого у меня мелькнуло такое желание...

Читаю дальше и просто офигеваю... Ну надо же, как хитро прописала, что я вообще никак не смогу ей пользоваться! Будто бы я уже настырно пытался, хоть и веду себя с ней максимально прилично. Под юбку не лезу, грудь не лапаю, намёков жирнящих не было. Что ещё надо?

Пункт про развод с уточнениями на пол-листа. И оборудование для домашней студии. Всё-таки зацепило её. Хочется рисовать.

— А ты не так проста, как кажешься, — сокрушаюсь вяло, возвращая лист. — Ладно, идёт. Но брачный контракт составим мы. Там будет то же самое, только юридически грамотно. И добавим пункт о неразглашении.

— Согласна, — кивает она.

— Тогда поехали к нотариусу, — завожу я двигатель. — Пока я не передумал.

Ратмир с юристами и всем необходимым давно уже ждут.

Она смотрит в окно, и в стекле я вижу её отражение. Губы сжаты, глаза сухие. Гордая, малявка.

Сидит и теребит подол своего пальто, которое я первым в мусорку выкину. Как только распишемся. А второе, что надо будет сделать — отправить к косметологу. И маникюр. Срочно.

Через два часа мы выходим от нотариуса. Тоха ждёт в ма-

шине, нервно ёрзает. При виде нас выскакивает, смотрит вопросительно.

— Подписано, — киваю я.

Виола стоит чуть поодаль, прячет руки в карманы пальто. На безымянном пальце — обручальное кольцо, которое я купил в ювелирке по дороге. Она посмотрела на него, попищала немного, что слишком дорогое и что боится его потерять, но надела.

— Поздравляю, молодожёны, — лыбится Тоха, но как-то нервно. — Ну что, едем отмечать?

— Я на работу, — объявляет Виола. — У меня смена.

— Какая, нафиг, смена? — взрываюсь я. — Ты теперь моя жена. Будешь по сервису в комбинезоне бегать?

— Я твоя фиктивная жена, — поправляет она спокойно. — И пока у меня нет другой работы, я буду работать там, где оформлена. Мне не нужна запись в трудовой книжке «уволена за прогул». Это не обсуждается.

Я смотрю на Тоху, тот пожимает плечами, мол, сам подписался.

— Ладно, — цежу я. — Но завтра переезжаешь ко мне. С вещами.

— Завтра не могу, послезавтра, — она достаёт телефон, что-то там тыкает. — Мне маму надо предупредить, собраться.

— Послезавтра так послезавтра, — сдаюсь я. — Но в субботу мы едем на деловой ужин. Будешь знакомиться с моим

партнёром. Изображать счастливую жену.

Она поднимает на меня глаза, и в них мелькает что-то похожее на усмешку.

— А ты умеешь изображать счастливого мужа, Миран?

Я молчу. Потому что правда — не умею. Ни счастливого, ни мужа. Но выбора нет.

— Как-нибудь справлюсь, — буркаю я и даже губы в некотором подобии улыбки растягиваю. — Иди уже, жена. Садись в машину.

— У меня тут неподалёку есть кое-какие дела. Я быстро и потом сама доберусь.

Она разворачивается и идёт к пешеходному переходу. Маленькая фигурка в задрипанном пальто и с моим кольцом на пальце.

— Красивая у тебя супруга. И умная, — подмигивает Тоха. — Береги.

— Пошёл ты, — отвечаю я без злости. — Поехали. Надо юристам звонить, план корректировать.

Мы садимся в машину, и я смотрю в зеркало заднего вида. Виола уже скрылась за поворотом. А в груди странное чувство, будто я не жену нашёл, а мину подложил. Под себя.

— Ну что, Миран друган, — Тоха хлопает меня по плечу. — С законным браком.

— Спасибо, — язвлю я на каком-то странном расслабоне. — Сам бы не справился.

И мы едем в офис, где нас ждёт гора проблем и ни одной

понятной. А вечером в занюханной дыре, в старой квартире, девушка с карими глазами будет собирать вещи, чтобы переехать в дом к чужому человеку и играть роль его жены.

И кто из нас больший псих, ещё вопрос.

Глава 6 «Total Look».

Миран Сомов

Спустя два дня.

При подъезде к «дому красоты» Виола начинает резко нервничать и пыхтеть, хотя до этого сидела спокойно.

— Меня точно туда пустят? — она нервно оглядывает кучу дорогих тачек у входа и парковщиков в жилетах. — У меня не особо товарный вид.

— Пустят, куда они денутся? Мы за этим и приехали, чтобы вид стал товарный, — успокаиваю её, хотя сам начинаю злиться.

Она теребит дверную ручку, хотя автомобиль ещё не остановился.

— Не психуй, — бурчу я, снимая блокировку. — Ещё рано.

Виола мгновенно тушует, опускает руки на колени и замирает.

— Э-эм... Прости. Дверь не открывалась, и я испугалась.

— Чего испугалась? Что я захотел переспать с тобой в машине? Тогда логичнее было бы тебя в лес увезти, а не в центр города, нет? Оу-у, или это у тебя более смелые фантазии, чем у меня? — с усмешкой подкалываю её, и она естественно заливается краской по самые уши. — Приехали. Дверь уже открывается. Выходим.

На улице девчонка держится более уверенно. Осанку выпрямила, подбородок приподняла. Кажется, действительно испытывает натуральный ужас, оставаясь со мной один на один, хотя я веду себя максимально корректно.

Входим в здание.

Мрамор, яркий свет, запах кофе и дорогих духов. Виола оглядывается, как мышка, впервые попавшая в сырную лавку. Я ловлю её взгляд в отражении витрины и отворачиваюсь. Запрещаю себе пялиться.

— Красиво здесь, — шепчет она. — Но, наверное, безумно дорого.

— Моя жена не должна выглядеть как нищенка с вокзала.

Она поджимает губы, и я вижу, как в глазах вспыхивает обида. Потом гаснет.

— У меня есть одежда. Нормальная.

— Нормальная, чтобы в ней не жалко было машины красить, — уточняю я. — А нам завтра на ужин ехать, к партнёрам. Ты должна выглядеть так, чтобы у людей не возникало вопросов, почему я на тебе женился. И чтобы не трепались, что у тебя муж жмот. Поэтому тебя надо приодеть и причесать.

Окидываю взглядом свой неограниченный алмаз: джинсы, свитер, волосы собраны в хвост, лицо без косметики. Красивая, блин, до скрежета зубов, но похоже, сама не понимает этого.

— Нам на третий этаж, — киваю на эскалатор. — Там

салон.

«Beauty» вывеска во всю стену, розовый неон, внутри всё стерильно-белое и пафосное. На входе нас встречает Нонна — администратор с коровьими ресницами.

Увидев меня, пружинит вверх одновременно с грудью, но, когда заметила, что я не один, её радость сразу угасает.

Месяц назад я нажрался в рестике на первом этаже. Не хотел волочиться домой и снял номер в отеле через улицу, а Нонну на выходе из центра встретил. Почти до утра с ней не слазил, но без особого кайфа, как смену отпахал. Уходя она оставила свой номер телефона. Естественно, я его сразу выкинул.

— Добрый день. Вы записывались? — корчит обиженную мордашку.

— Записывался. «Total Look»!

— Что это значит? — шепчет сбоку Виола.

— Салонный уход «всё включено», — поясняю ей вполголоса и, повернувшись к Нонне, сверлю взглядом стерву.

— Подождите, я проверю, — она хмурясь скребёт когтем по экрану, якобы лист записей перелистывая.

— Не морочь мне голову! — начинаю злиться.

Какого беса она выпендривается? Я её отодрал и ещё денег подкинул, чтоб сильно не расстраивалась, что следы от пальцев оставил на филейной части.

А надо было головой думать, когда с пьяным связывалась! Я вообще её на автомате с собой позвал, но девка ни секунды

не ломалась. Побежала чуть ли не вперёд меня.

Чего ждала? Продолжения, как в мыльной опере? В каких облаках она летает?

В итоге Нонна вспоминает о своих обязанностях и, надувшись, ведёт нас к диванам, демонстративно раскачивая кормой.

— Кофе, чай?

— Воды, — буркаю я, опускаясь в кресло.

Виола садится рядом на диван, на самый краешек. Вертит головой, разглядывая постеры с идеальными лицами, стеллажи с баночками, девушек в халатах, спящих туда-сюда.

— Миран, — она касается моего рукава. — Спасибо. Я понимаю, что это для дела. Но всё равно спасибо.

Я поднимаю голову и встречаюсь с её глазами. Такие тёплые, что хочется утонуть.

— Работаем, жена.

В этот момент из-за стеклянной двери выплывает Сабина.

На каблуках, с идеальной укладкой и губами, которые, кажется, стали ещё больше, чем в прошлый раз. При виде меня её лицо расплывается в фальшивой улыбке, от которой меня всегда тошнило.

— Миранчик! — трещит как фитилёк, приближаясь. Руки раскрывает для объятий, но я даже не встаю. — Какими судьбами? Ты ко мне? Знала бы, что зайдёшь, я бы освободилась пораньше... — наклоняется, демонстрируя декольте, и пышная грудь чуть не вываливается к моему носу.

Пытается пристроить свой округлый бампер на широкий подлокотник моего кресла — сталкиваю.

— Её облизывай... — я делаю паузу, глядя на Сабину в упор, и киваю на Виолу.

Сабина застывает с открытым ртом.

Улыбка сползает, сменяясь недоумением.

Фыркает гневно, потом снова фальшиво улыбается.

— Кого? — переспрашивает пискляво.

— А ты слепая? — усмехаюсь я. — Знакомься, Виола. Виола, это Сабина. Я звонил, что покупаю полный пакет для девушки. Привёз в назначенное время. Совсем мышей не ловите?

— Здравсьте, — Виола вежливо кивает.

— Очень приятно, — выдавливает Сабина, разглядывая Виолу как под микроскопом. — А-а-а... наверное, произошло недоразумение. Одну минуту, я сейчас проверю.

Куксится, прежде чем свалить.

— Вы близки были, да? И с одной, и с другой? — спрашивает Виола.

Она уже всё просекла. Умная.

Поднимаю на неё взгляд с прищуром. Ещё одна решила меня достать?

— «Близки» — слишком громко сказано. Я один раз приехал родинку проверить в этот центр, думал увеличилась. С тех пор обращаюсь, при необходимости. Тут много услуг и для мужчин тоже. Стрижка, массаж.

— Да? А мне показалось, они тебя приревновали.

— Значит, обе дуры.

— Может, они на тебя глаз положили?

— Без разницы, — сухо отвечаю я, осознавая, что, если она продолжит давить на меня из женской солидарности и клеймить позором, точно отправлю её восвояси.

— В любом случае их поведение никуда не годится, — неожиданно заявляет она. — Они на работе находятся, а ты клиент.

Я сразу успокаиваюсь. Ожидал, что она начнёт выпрашивать, было у вас что-то или нет, а если было, то как. Но не стала. Говорю же, умница.

— Сервис хромает на обе ноги, это да, но мастера здесь отличные, — немного расслабляюсь.

Появляется Сабина.

— Прошу прощения, Миранчик. Всё прояснилось. Для тебя всё что угодно. — она снова стреляет глазами в Виолу. — Работы не початый край. Пройдёмте, дорогая. Я вас провожу...

— Я пока отъеду по делам. Часа через два-три вернусь.

— Так быстро? — Сабина расстроено хлопает накладными ресницами.

— Вам хватит.

И ухожу, оставляя их вдвоём. На выходе оборачиваюсь. Виола стоит растерянная, Сабина уже тащит её вглубь салона, что-то шепчет про уходовые процедуры.

По возвращении иду по коридору и слышу голоса. Сабина говорит громко, раздражённо.

— ...Вы вообще понимаете, от чего отказываетесь? Вы посмотрите на себя! Волосы секутся, кожа тусклая, брови как у домовёнка! А я вам предлагаю преображение! Нарращивание — это сейчас база, без неё вообще никуда! Губы надо чуть-чуть... самую малость... чтобы соблазнительно! А вы упираетесь!

— Я не хочу, — слышу спокойный голос Виолы. — Мне не нужны ваши ресницы. И губы меня устраивают.

Я толкаю дверь.

Все в помещении застывают, включая парикмахера и визажиста. Виола сидит в кресле, завёрнутая в халат. Рядом на столике горы баночек, кисточек, каких-то средств. Сабина стоит над ней, с победным видом.

— Миранчик! — подбегает ко мне Сабина и льнёт к моей груди. — Слава богу, ты приехал! Ты не представляешь, что тут творится! Я предлагаю ей услуги, лучшие, самые топовые, а она отказывается! Говорит, не хочет губы корректировать, от бровей отказалась, от уколов отказалась... Я не знаю, как с ней работать!

Я смотрю на Виолу. Она сжимает подлокотники кресла, готовая вскочить. Но взгляд держит. Гордая.

И вдруг мне становится смешно. Я реально ржу, в голос, как ненормальный.

— Ты чего? — Сабина смотрит на меня как на сумасшед-

шего. — Миранчик?

— Да нет, всё пучком, — отсмеявшись, я вытираю глаза.

— Сабина, ты мне скажи: я тебя о чём просил?

— Ну... — она мнётся. — Сделать из неё конфетку.

— И что ты предлагаешь? Наклеить на неё патлы, губы надуть как у рыбы-клоуна?

Сабина хватается ртом воздух.

— Но тренды... Сейчас все делают...

— Мне плевать на тренды, — обрываю я. — Я просил сделать жену красивой, а не перекраивать её под шаблон.

Виола поднимает на меня глаза.

— Жену??? Но... — Сабина краснеет пятнами. — Если бы я знала, что это твоя жена, я бы по-другому...

— Уже не важно. — достаю бумажник, кидаю на столик пачку купюр. — Это за маникюр, педикюр и всё, что ты успела. Дальше я сам.

— Миран, пожалуйста! — Сабина хватается меня за рукав.

— Не уходи! Я всё исправлю! Мы сделаем всё, как ты скажешь!

Я стряхиваю её руку.

— Поздно. Виола, вставай. Идём.

Виола поднимается, запахивая халат. Выходит из кабинета, я за ней. В коридоре она вдруг останавливается и смотрит на себя в зеркало.

— Миран... Я в халате. Мне не в чем идти.

— А, — я оглядываю её. — Ну да. Не парься, пошли. На

этом же этаже приоденем тебя.

— В халате?

— Тут недалеко. — усмехаюсь я.

Другая вывеска, пальмы в кадках, и девушки-консультанты такие, что глаз отдыхает. Длинные ноги, короткие платья, грудь как на подбор, тройка и четвёрка, не меньше. При виде меня они вспархивают, как стайка райских птиц.

— Миран! — самая смелая, блондинка подлетает первой.

— Какая встреча! Вы к нам? Что-то конкретное ищите?

— Ищу одежду для жены, — киваю на Виолу. — На все случаи жизни. Домашнее, выходное, для мероприятий.

Девушки переглядываются. Блондинка, кажется, Ася, окидывает Виолу быстрым взглядом.

— Поняла. Пройдёмте, — она берёт Виолу под руку.

Её усаживают на белый кожаный диван. Приносят шампанское, но она мотает головой, просит воды. Я отхожу к окну, делаю вид, что смотрю в телефон, но краем глаза наблюдаю.

Через десять минут выкатывают длинные вешалки. На них платья, костюмы, блузки. Столько, что за сутки не перемерить. Девушки начинают суетиться вокруг Виолы, прикладывая ткани к лицу, к волосам.

— Это очень идёт к вашим глазам!

— А это подчеркнёт талию!

— Примерьте обязательно!

Виола сидит как каменная. Я вижу, что ей неудобно, что

она устала и хочет домой. Но терпит. Молодец.

— Так, — Ася хлопает в ладоши. — Давайте определимся с образами. Для начала база. Снимите, пожалуйста, халат, мы примерим платье.

Виола вцепляется в воротник.

— Снять прямо здесь?

— Ну как же, — Ася улыбается профессионально. — Чтобы примерить, надо раздеться.

— Я не буду раздеваться, — отрезает Виола.

Девушки переглядываются. Ася смотрит на меня, в поисках поддержки.

Я подхожу ближе.

— В чём проблема?

— Я не буду раздеваться при всех, — Виола скромно опускает глаза. — Я пойду в примерочную. Одна.

— Виола, — я наклоняюсь к ней. — Это просто одежда. Тебе помогут, подберут, подскажут. Расслабься.

— Я расслаблена, — тихо бормочет, сжимая халат. — Но раздеваться не буду.

Ася снова смотрит на меня, потом на Виолу.

— Дорогая, вы же при муже, что стесняться? Он же ваш муж, он всё видел.

Виола краснеет до корней волос.

Я с лёгкой улыбкой невольно зацепляюсь вниманием за её грудь, поднимающуюся на вдохе.

— Нет.

Хотя внешне как ангел, но характер у Виолы зубастый.

— Все вон, — требую я.

Девушки замирают.

— Что, простите?

— Оставьте нас.

Они вылетают пулей, и через минуту панорамная дверь закрывается, шторы с тихим шорохом опускаются, отрезая нас от всего мира.

Мы остаёмся вдвоём.

Глава 7 «Смотрины».

Миран Сомов

— Нравится что-нибудь? — киваю на вешалки с одеждой.

— Походи, посмотри. Тут этого добра на три жизни хватит. Пока не выберешь всё, что нужно, мы отсюда не уйдём.

Виола оглядывает ряды платьев, костюмов, блузок. В глазах растерянность.

— Я даже не знаю, с чего начать...

— Тогда я за тебя решу.

— Спасибо, но нет, — отказывается с вежливостью. — Я сама.

— Я сама. — важно повторяю её интонации. — Самостоятельная, значит? Как только кто-то погладит против шерсти, ты сразу в атаку?

— А кому понравится, когда за него всё решают? Мне это не нравится.

— Ситуации разные бывают. Какой смысл вывозить всё самой? Например, проблемы?

— Ну... возможно... примера другого перед глазами не было. Мама практически одна меня растила.

— Батя-то где? Ушёл за хлебом и не вернулся?

— Его давно нет. Умер, когда я в шестом классе училась, — глубоко вздыхает. — Лучше него никого нет. Мама больше замуж не вышла. Любит папу до сих пор. Мы часто о нём

вспоминаем.

— Понял.

Точно! Читал же в личном деле, что-то там про несчастный случай. Нафиг спросил? Мы не на интервью, чтобы делиться жалостливыми историями.

— Что выбрала? — подгоняю сухо.

— Э-м-м... — подходит к вешалке, проводит пальцами по ткани. — А что это за материал? — спрашивает, оборачиваясь. — Шёлк?

— Шёлк, шёлк, — подтверждаю я, теряя терпение. — Настоящий, не синтетика.

— Красивый... — она разглядывает платье, потом смотрит на ценник и округляет глаза. — О господи...

— Чего?

— Миран, это стоит как моя зарплата за три месяца.

— И? — давлую взглядом. — Ты теперь моя жена. Привыкай.

— Но это же безумие... — она мотает головой. — Я не могу такое носить. Я испачкаю, порву...

— Значит, купим другое. И всё.

Она смотрит на меня, будто я инопланетянин, говорящий на непонятном языке.

— Ты серьёзно?

— Виола, — я подхожу ближе. — Ты сейчас будешь спорить или всё-таки выберешь что-то, чтобы мы могли уже поехать домой?

Она вздыхает, возвращается к вешалкам.

— А вот это? — показывает на тёмно-синее платье, простое, без изысков.

— Скучное, — комментирую я.

— А это?

— Слишком короткое. Не обязательно светить своими красивыми ногами перед каждым встречным.

Она краснеет, прячет улыбку.

— Ты всегда такой... прямой?

— А смысл темнить? Я сразу всё говорю, как есть.

— Заметно, — усмехается она.

Подходит к другой вешалке, достаёт красное платье. Простое, шёлковое, с открытыми плечами.

— А это?

Я смотрю. На ней это будет смотреться «ого-го».

— Нормально, — киваю. — Бери.

— Нормально? — вздыхает с обидой. — Всего лишь?

— Идёт тебе, — поправляюсь я.

— Я ещё даже не примерила, — смеётся она.

— И не надо. Я и так вижу.

Она смущённо отводит глаза, вешает платье обратно.

— А ты сам себе выбираешь одежду? — вдруг спрашивает. — Или тебе другие подбирают?

— У меня есть человек, — пожимаю плечами. — Я в это не вникаю. Сказал привезите, мне привозят.

— Не любишь искать что-то новое? Я не про одежду. А

в целом... Например, раз в неделю я обязательно хожу куда-нибудь, где ни разу не была. И это не зависит от денег.

— И куда же ты ходила на этой неделе?

— В пекарню у цирка.

— Сравнила булки с одеждой, — бурчу я.

— Суть та же, — парирует она. — Можно найти красивое и не за три зарплаты. Просто надо искать.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь мне искать тебе одежду по дешёвке? — я чувствую, как начинает закипать кровь.

— Я тебя как жену должен выводить в люди, а ты в обносках?

— Я не говорю про обноски, — спокойно отвечает она.

— Я говорю про то, что цена не главное. Главное, чтобы вещь подходила человеку. А человеку, между прочим, должно быть в ней комфортно.

Нет, в чём-то она права. Но бесит.

В мыслях смеюсь. Носит шмотки из секонда, а понтов на миллион!

— А ты глядишь на меня и прикидываешь, как направить мою заблудшую душу на путь истинный, так? У баб это прям бзик какой-то.

— Нет. В тебе и так много хорошего. — внезапно добавляет и слегка отводит взгляд. Будто это просто случайное замечание.

Я смеюсь, глядя на её выкрутасы вокруг вешалки.

— Эм-м-м... Можно и мне у тебя кое-что спросить? Ввиду нашего положения, я считаю, мы должны... друг о друге

знать... необходимое.

С трудом подбирает слова и густо краснеет.

— Спрашивай, не стесняйся.

— Откуда у тебя шрам над бровью?

— Этот? — по памяти дотрагиваюсь до тонкой полоски.

— Когда мелкий был, с велосипеда упал. Обычное дело.

— У тебя есть татуировки?

Не такие вопросы я ожидал. Аж поперхнулся, уставившись на неё. Она что, со мной заигрывает?

Вряд ли. Глаза наивные, как у ребёнка. Похоже, она и правда не догоняет, в какую степь такую линию разговора можно развить.

— Кхм-кхм, — прочищаю горло. — Нет. Я не сторонник разукрашивать тело. Без того красивый.

— Не сомневаюсь... Ой! — вспыхивает и таращит глаза, как застуканный зверёк с украденным печеньем в зубах. — То есть... ты хорошо выглядишь.

Я рефлексивно затормаживаю на неё взгляд. Потекла, что ли? Уже не против чего-то большего? Я-то только «за»! Её грудь будет классно смотреться сверху, да и попец тоже, если её наклонить.

От таких мыслей у меня встаёт, однако инстинкты вопят, что не даст. Сигналы она подаёт двусмысленные, но невербальные маркеры её поведения не врут. Обычно чуйка меня не подводит, когда вот-вот запахнет сексом. А тут не пахнет.

Зачем тогда она меня дразнит? Неосознанно? Глупая со-

всем?

Что ж...

Будем лечить глупость.

Я беру с вешалки платье. Чёрное, простое до безобразия.

Протягиваю ей.

— Надень это.

Она смотрит на платье, потом на меня. Берёт в руки, переступает с ноги на ногу. Мнётся секунду.

А потом дёргается в сторону, но я преграждаю путь.

— Куда?

— В примерочную. — озирается по сторонам.

— Переодевайся тут.

— Как это тут? — в недоумении растерянно моргает.

— Я хочу посмотреть, — уточняю для глупышки.

Потому так настойчиво её донимаю, что мне дико нравится её смущать. Обычно бабы сами вешаются и запрыгивают в койку, а тут такая скромница на контрасте.

— Зачем?

— Ну как зачем? Приедем завтра на ужин, а мне скажут: «Друган, а у жены твоей классная родинка на левой лодыжке.» А я и не в курсе. Неловко получится.

— Ты... ты издеваешься? — глядит с укором. — Какая родинка? Никто не будет о таком говорить!

— Может, я для тебя Америку открою, Виола, но мужчины о женщинах многое говорят. И не только о родинках, а похлеще. Что там в тренде сейчас? Заросли? Стразы в неожи-

данных местах?

— Фу! Миран! — она уже не знает, смеяться или злиться.

— Прекрати нести чушь!

Я люблю её. Серьёзно, люблю. Как она краснеет, как пытается сохранить достоинство, кутаясь в халат, под которым почти голая. Как смотрит с упрёком, но в глазах искры.

— Ладно, — хмыкаю я примирительно и медленно надвигаюсь на неё, а она пятится. — Давай серьёзно. Ты теперь моя жена. По документам. Мы живём в одном доме. Мне надо знать, что там у тебя. Вдруг ты там вся в татуировках, а я не в курсе?

— Нет у меня татуировок, — буркает она.

— А шрамы?

— Тоже нет.

— А родинки?

— Есть немного, — выдыхает она, понимая, что я не отстану. — На спине. Под правой лопаткой... небольшая...

— Покажи.

— Миран!

— Что «Миран»? — я притворно возмущаюсь, продолжая наступать. — Я должен знать. Вдруг она в форме бублика или кометы?

— Какие бублики, какие кометы? — она закатывает глаза.

— Ты невозможен.

Я загнал её в угол. Она скрещивает руки на груди, и в этом жесте столько женского благородства, что мне стано-

вится почти стыдно.

Почти.

— Я не буду с тобой спать, — чеканит, тщательно подбирая слова. — Я понимаю... что ты сейчас проверял, насколько далеко я позволю тебе зайти. Не думай, что тебе всё можно. Это не так.

— Не помню, чтобы я приглашал в свою спальню.

Она зависает.

У меня внутри что-то переворачивается.

Знакомая картина. Бывшая когда-то тоже пыталась ставить границы. А я их сдвигал. Пока не сдвинул совсем, и тогда ей стало со мной тошно.

Да. Я способен перегнуть палку. Знал за собой всегда. Но с Виолой почему-то не хочется. Вернее, хочется, но не так. Не сломать, а, чтобы сама...

Бред. Блин, что за сопли?

Дразнишь половозрелого мужика, будь готова к ответке!

С такой, как Виола, бесполезно телиться — она до последнего будет обдумывать, «надо, не надо», «прилично, не прилично». Лучше сразу действовать в лоб.

И с примеркой шмотья сразу разберёмся быстрее, если, конечно... она не изъявит желание перепихнуться. А вот это, безусловно, будет неожиданностью.

— Послушай, на приёме у хирурга или гинеколога ты ведь раздеваешься. Или также ломаешься? — раздраженно вопрошаю.

— Да не ломаюсь я. — моська горит, и Виола прикладывает ладони к щекам. — Причём тут хирург? И гинеколог?

— Ну, если тебе будет так проще, представь, что я врач. И ты пришла на осмотр. Я предлагаю гарантированный способ, решить проблему, когда моя жена краснеет, как помидор, на обычный вопрос: «Дорогая, вы же при муже, что стесняться? Он же ваш муж, он всё видел». Вот, чтобы такого больше не было, я должен увидеть. А ты должна знать, что я увидел. Всё просто.

Она хмурится, топчется на месте. Задумалась, что доля истины в моих словах есть, но явно ей жутко хочется меня приструнить.

Женская привычка, не имеющая смысла. Если бы не допускала мысли, что придётся раздеться передо мной, сразу бы отшла. А если допускала — к чему лишние сомнения?

— Не тяни время, Виола. Нас ждут, — подгоняю её, понимая, что некоторым девушкам нужно, чтобы их убедили. — Не съем я тебя.

Фыркает в запале и разворачивается ко мне спиной. Развязывает пояс халата и позволяет ему съехать по плечам.

Шорох ткани, её сбившееся дыхание.

Забираю из её рук халат и откидываю на диван.

— И это тебе тоже больше не понадобится, — шепчу сзади в её волосы и расстёгиваю лифчик, сразу спуская лямки вниз по рукам...

Клянусь, ничего подобного и в планах не было!

Буквально импровизирую на ходу.

Вот это накал, азарт, интрига. Впервые за много лет мне не всё равно, что будет дальше.

Мои пальцы невесомо касаются её ключиц, скидывая лифчик на пол.

Она вся покрывается мурашками.

— Ни одна женщина под такое платье лифчик не наденет. Если, конечно, у неё башка варит. Некрасиво, когда видно лямки, а твои трусы... — дёргаю резинку. — Выглядят, как памперс. Тоже не годятся.

— Трусы не сниму!

— Приехали! Я и это должен объяснять? Бельё должно быть незаметно под одеждой, а не выпирать швами наружу, сообщая всем окружающим, что на тебе памперс старой бабки. Давай снимай шустрее... не могу на этот анти-секс смотреть. Слышала, что француженки могут носить старые джинсы с майкой-алкоголичкой и плечистый пиджак? Но под всем этим барахлом обязательно будет крышесносное нижнее бельё! Судя по твоей одежде из секунда, я как-то рассчитывал на лёгкий «шик», а тут пшик...

Одним рывком спускаю трусы вниз.

— Ты! — взвизгнув, поворачивается ко мне передом, видимо, забывшись. — Ой! — пытается прикрыться руками, но я перехватываю её запястья. — Отвернись.

— Не отвернусь.

— Миран...

— Постой спокойно, — как одурелый, пялюсь на неё. — Я не прикасаюсь. Пойми, рано или поздно тебе придётся перестать дёргаться при виде меня.

Охх-мм-м!

Кожа гладкая, без загара и татуировок. Грудь настоящая, круглая. Талия... бёдра... стройные ноги — всё идеальное.

У меня сердце забарахлило. Не хочет работать, что-то там щёлкает. Тяга вроде есть, но когда сердце всё же включается, то заводится с такой силой, что аж страшно.

Она стоит передо мной полностью обнажённая...

Глава 8 «Я фиктивная жена врага».

Виола

Я стою перед ним голая.

Воздух холодный. Кондиционер гудит где-то над головой, и каждую клетку моей кожи обжигает, как жидким азотом.

Мурашки бегут по плечам, по спине, по животу. Я не знаю, от холода или от того, что он смотрит.

Не отрываясь. Медленно ведёт глазами сверху-вниз. От шеи к груди, от груди к животу, ниже.

Статическое напряжение словно накапливается в каждом волоске на моём теле, готовое выбить искру при малейшем касании.

Визуальный контакт до озноба. Кажется, что его взгляд не просто тактильно скользит по мне, но и буквально проходит сквозь эпидермис, сквозь мышцы, сканируя мои внутренние органы. Как на УЗИ.

Боже...

Зачем я это делаю? Зачем позволила?

Ой ладно, жалко мне, что ли. Пусть посмотрит. Надо ублажать монстра. Знаю, что я ещё кучу раз накосячу. А так... авансом смогу хоть немного ему угодить.

В сознании гудит тревожная сирена. Система оповещает о критической уязвимости.

План.

У меня был план. Два года подготовки, тонны информации, километры просчитанных шагов. Я знала, что придётся играть. Знала, что придётся терпеть. Знала, что враг будет близко.

«Но не настолько же!» — вопит моя внутренняя скромница и моралистка, подыскивая задним умом пути отступления.

Параппа-пампарам...

Чувствую себя героиней шпионского фильма. Но, конечно, в детстве я мечтала о совсем другом амплу актрисы.

Я не рассчитывала на стриптиз. Не планировала оказаться перед ним в чём мать родила.

Что я упустила? Не учла гравитацию его похотливой натуры?

Чёрт, чёрт, чёрт... Он касается меня и без рук. Оставляет невидимые ожоги на траектории движения своих глаз.

Сердце захлёбывается в хаосе собственных ударов, а в висках молотит огненная кровь. Я глохну от пульса.

Что теперь? Повернуться? Закрыться руками? Засмеяться? Заплакать?

Что не выдаст меня с потрохами?

Мои конечности стали ватными, словно из них откачали кровь. Механизм управления телом дал сбой.

Два года я готовилась встретиться с ним — с сыном человека, который убил моего отца. Я представляла эту встречу сотни раз. В моих фантазиях я была сильной. Холодной. За-

кованной в непрошибаемую броню. Неуязвимой.

Но даже не допускала мысли, что будут дрожать колени, а внизу живота разольётся что-то тягучее, незнакомое, от чего хочется провалиться сквозь землю.

Что это? Ненависть так жжёт? Или это радиация, которую нельзя увидеть, но можно почувствовать? Или это что-то другое? Какая-то извращенная химическая реакция, где реагенты — моё тело и его присутствие?

Я делаю вдох. Медленный, глубокий, пытаюсь вручную запустить остановившиеся лёгкие.

Моя броня сброшена. Щиты отключены. Я — открытая мишень.

И я не знаю, что делать дальше.

Навигатор потерял сигнал. Координаты сбиты.

Я вышла за пределы расчётной траектории. Он не знает, кто я на самом деле. В этом я уверена.

Он не знает, что его отец лишил жизни моего отца, а мою семью оставил у разбитого корыта. Или знает? В этом я не уверена.

В любом случае, когда я так уязвима, Сомов, будь человеком!

— Ля, ты красивая, — сухо отвешивает комплимент, как констатирует факт. — Реально красивая. Без всякой мачмалы, которой тебя Сабина пичкала. Я ж говорил, натуральное всегда лучше.

Шаг ко мне.

Наклон головы, он тянется к моим губам.

Да ладно? Нет...

Виола, соберись! Что за истерики, вообще?

Но истерика заставляет сработать рефлекс раньше, чем мозг успеваает придумать что-то умное.

Хря-я-ясь!

Пощёчина.

Звонкая, хлёткая. Слышно на весь магазин. Ладонь впечатывается в его щёку с такой силой, что мне самой в руку отдаёт.

Я застываю. Смотрю на него в ужасе. На морде красный след от моей пятерни. Он не двигается. Просто тарашится на меня во все глаза.

Ну, всё...

Капец котёнку...

Два года подготовки. Два года я репетировала эту роль. Два года училась улыбаться, когда хочется плевать ядом, кивать, когда хочется кричать, терпеть, когда хочется бежать. И всё это коту под хвост. Потому что не смогла сдержаться.

Сомов просто посмотрел на меня своим похотливым взглядом, полез целоваться, и меня пережкнуло. Синапсы замкнуло, по всей видимости.

Ну вот кто так делает?!

— Прости... — шепчу я, и голос срывается. — Я не... я не хотела... Оно само...

На нервах меня потряхивает.

Я пытаюсь прикрыться, но прикрываться нечем. Халат на диване, в двух шагах, но эти два шага — целая пропасть.

Я сжимаюсь, обхватываю себя руками, закрываю грудь, живот. Поздно, он уже всё видел, но я всё равно мямлю:

— Я... пожалуйста... отвернись...

Несколько секунд длятся почти вечность.

На дне его глаз ярость мечется, как зверь в клетке.

Мощная челюсть Сомова сжимается, желваки ходят. Рука непроизвольно дёргается к карману, я уже замечала за ним этот жест в моменты злости.

Что от него ждать?

А вдруг ударит в ответ?

Мама всегда говорила: мужики не терпят унижений. Может, для такого, как он, нет ничего унижительнее, чем пощёчина от голодранки?

О чём он думает?

Что там у нас?.. Удивление? Растерянность? Непонимание?

А потом Сомов делает то, чего я совсем не ожидаю.

Он отступает.

Отходит к вешалкам. Медленно, как будто давая мне время прийти в себя. Поворачивается спиной, делая вид, что рассматривает другие платья.

Я бегу к дивану и хватаю халат, натягиваю дрожащими руками, затягиваю пояс покрепче.

И осознаю, что именно этот его жест... то, что он отступил... пробивает во мне настоящую плотину.

Тринадцать лет назад.

Цокольный этаж родительского дома. Запах гари. Мать зажимает мне рот рукой так сильно, что я не могу дышать.

Сверху шаги, автоматные очереди, мат, звуки ударов, потом тишина. Дверь выламывают, и свет фонаря бьёт прямо в лицо.

Мужская фигура в маске. Ствол автомата смотрит мне между глаз. Я вижу только чёрный кружок дула и слышу, как мама умалывает, закрывая меня собой: «Не надо, она ребёнок, пожалуйста, не надо...»

Внезапно дуло машет в сторону: «На задний двор, быстро. К соседям. Сейчас дом подожгут».

Я смотрю в глаза того бандита. Они молодые. Голубые. Красивые. И в них жалость, стыд.

— Бегите, — шёпотом подгоняет он, оставляя дверь открытой и горланя наверх: — внизу чисто! Никого нет.

Мы бежим. А за спиной уже занимается огонь. Запах бензина, звон разбитого стекла.

Мы в тапках, без курток. Мама тащит меня за собой.

А когда оборачиваемся у соседского забора — дом уже полыхает вовсю.

Я до сих помню оранжевое пламя и чёрный дым до неба. И мысль: «Папа там. Папа остался».

Соседи выбежали, затащили нас в дом, вызвали полицию. Но полиция приехала только через два часа. А скорая ещё через час.

Отца нашли утром. В обгоревших руинах. С пулями в груди, голове и вообще везде. Весь, как решето, но официальная версия: несчастный случай, взрыв газа. Дело закрыли.

Отец.

Я часто закрываю глаза и вижу его как живого. Большой, сильный, с такими же, как у меня, карими глазами и мягкой улыбкой.

Позже мы узнали, что главным среди устроивших расправу, был Фёдор Сомов.

А сейчас... Я смотрю на спину младшего Сомова. Он стоит у вешалки и не оборачивается. Даёт мне время. Как тот неизвестный молодой бандит.

Как бы ты поступил, Миран, если бы был тогда в нашем доме вместе со своим отцом? Отпустил бы нас с мамой? Или нет?

Я ношу на пальце кольцо, которым меня окольцевал сын человека, убившего моего отца.

Забавно, да?

Интересно, он вообще знает, кем был его отец? Или для него папаша просто «сидел», умер и всё?

К сожалению, этот факт мне неизвестен. Не удалось так глубоко копнуть и узнать, насколько причастен Миран к делам своего отца.

Тогда. Тринадцать лет назад мы переехали в другой город.

Мама сменила нам фамилию на свою девичью через месяц после того, как всё случилось. Полюшкины мы стали.

Она запретила мне рассказывать кому-либо правду. Никогда. Ни одной живой душе.

— Если узнают, что мы живы, они нас найдут и убьют, — сказала она. — Понимаешь? Они убили папу. Они убьют и нас.

Я понимала. И не понимала. Мне было одиннадцать. Таковой себе возраст...

Настоящая фамилия — Корсак. Виола Корсак, дочь Семёна Корсака, владельца сети автосалонов «Корсак-Моторс».

Вы знаете эту сеть? Конечно, уже нет. Её больше не существует. Как и моего отца.

В девяностые мой отец построил бизнес с нуля. Начинал с перепродажи подержанных иномарок, а к две тысячи пять потому у него было пять салонов в регионе, сервисный центр и реставрационная мастерская, куда привозили машины со всех ближайших областей.

Он любил своё дело. Знал каждый винтик, каждую деталь. Говорил: «Машина — она как живая. Если к ней с душой, она никогда не подведёт».

Я помню, как папа начал брать меня с собой в мастерскую. Мне было лет семь-восемь, я сидела на высоком табу-

рете и смотрела, как дядьки в промасленных комбинезонах колдуют над моторами.

Пахло ужасно: бензином, маслом, растворителем. Но все были очень добрые. В шутку называли меня «принцессой моторса». Обещали не уходить на пенсию, дожждаться, когда я вырасту, и работать на меня.

Вполне с серьёзными лицами встали вокруг табурета в коленопреклонении.

Сейчас я понимаю, как это выглядело смешно со стороны. Я в розовом платье с пышными бантами на голове и бородастые великаны в спецовках с инструментом в руках. Прямо сцена из фильма, только без попкорна.

Представьте, каково мне было вернуться в эту мастерскую спустя столько лет. Увидеть те же стены, те же автомобильные подъёмники, но... других людей.

Даже тот табурет уцелел. На нём теперь любит сидеть главный мастер Сергей Николаевич, когда пьёт кофе.

Когда Сомов предложил мне прийти и показать, что умею, я не сразу поверила своим ушам.

Да, это было частью моего плана, но всё равно было удивительно, что сработало.

— Я оделась, — выдавливаю я.

Миран медленно поворачивается. На щеке всё ещё красный след от моей ладони. Не трогает его, не злится, не орёт.

— Ты в порядке? — внезапно спрашивает.

Ого...

В его тоне нет привычной насмешки. Просто вопрос. Без подтекста.

Даже не знаю, что ответить.

Блин! Конечно, я не в порядке. Я в полном аду и пытаюсь вспомнить, зачем я вообще здесь. Как меня угораздило? А, точно, мама, операция, кредит и чувство мести. Я фиктивная жена врага.

— Нормально, — мой голос не слушается.

Сомов кивает. Смотрит на меня ещё несколько секунд, потом отводит взгляд. Челюсть сжимает (я заметила, он всегда так делает, когда что-то внутри себя переваривает).

Что дальше?

— Вилка, — вздрагиваю от его хриплых интонаций. — Не против, если я так тебя буду иногда называть?

— Хорошо, — обмираю.

Меня раньше папа так называл...

Глава 9 «Решение».

Виола

Фл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.